

БЕРЛИН.
2 МАЯ 1945 ГОДА

КИЕВ

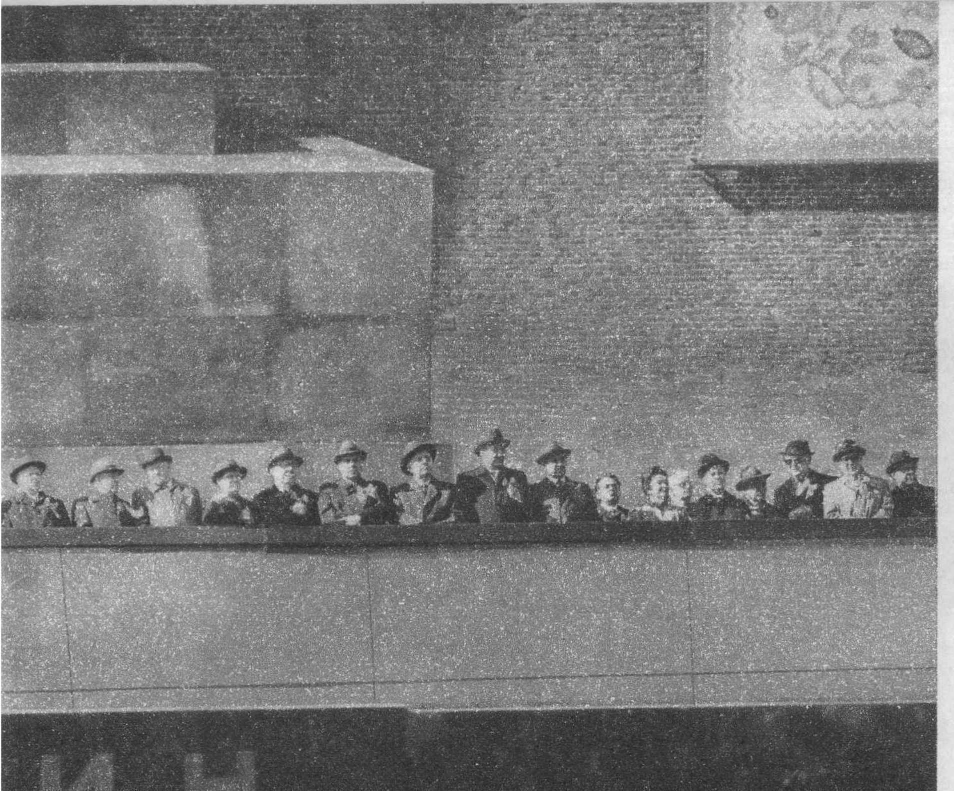
БАКУ

ЯРОСЛАВЛЬ

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

СТРАНА ПРАЗДНУ

РИГА

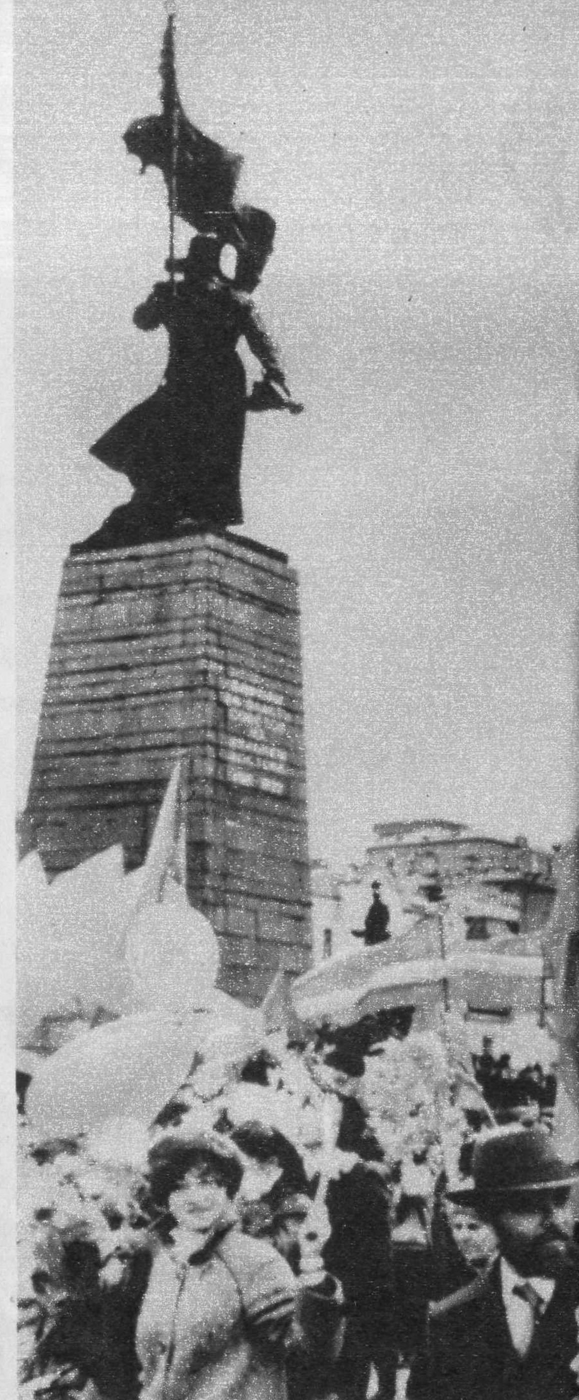
АЛМА-АТА

ЕРЕВАН

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. БОЧИНИНА, А. ГОСТЕВА, Л. ШЕРСТЕННИКОВА и ТАСС.

ЕТ ПЕРВОМАЙ

ВЛАДИВОСТОК

КИШИНЕВ

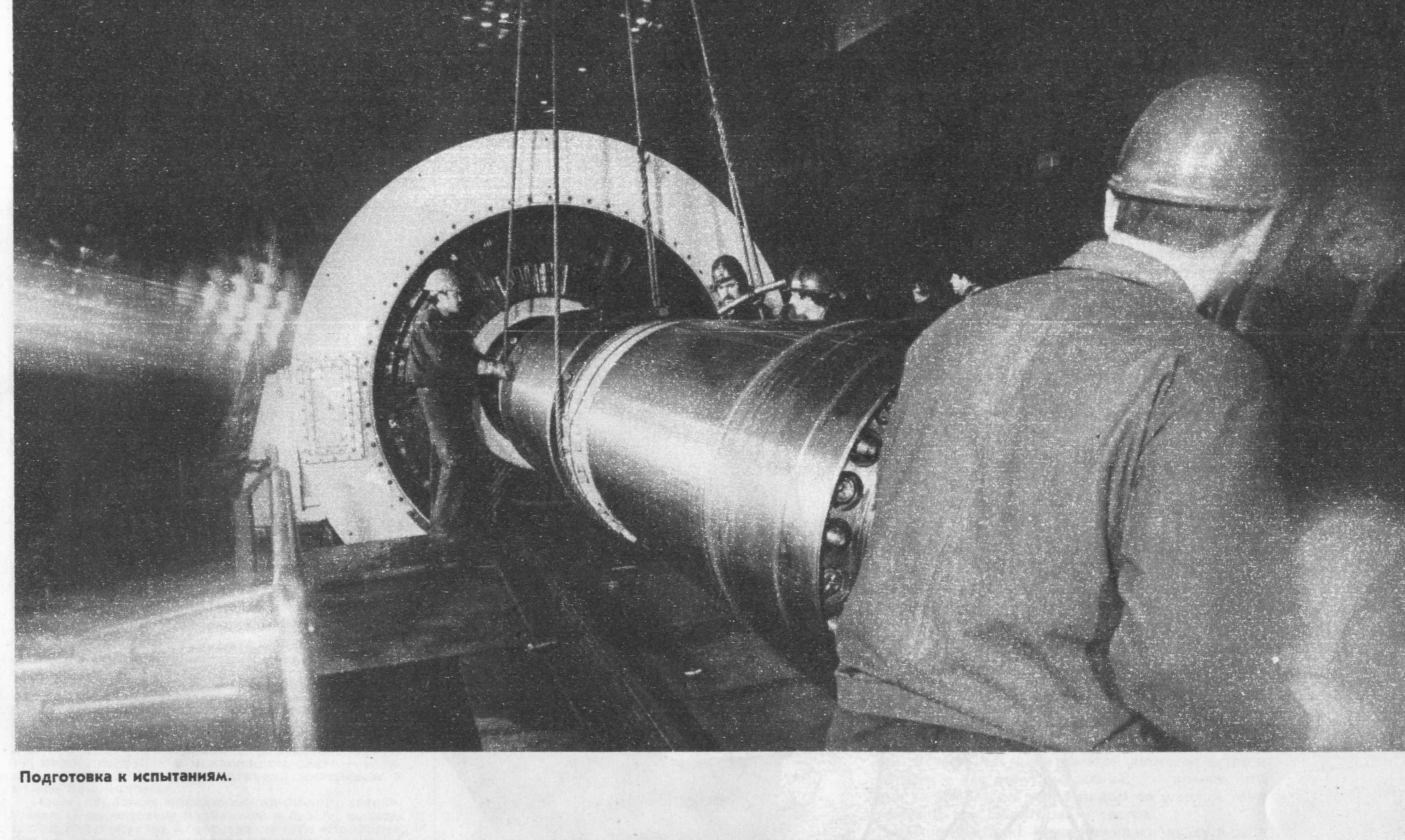
СТРАНА ПРАЗДНУ

ЕТ ПЕРВОМАЙ

Ответственный момент (слева направо) — инженеры В. Шапиро, В. Царьков и Л. Суслов.

Подготовка к испытаниям.

ХОЛОД, ДАЮЩИЙ ТЕПЛО

О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Помню, во ВНИИэлектромаше мы говорили о будущем, и будущее казалось столь же далеким, как межзвездные полеты. Хотя рядом на испытательном стенде уже работал опытно-промышленный образец первого в мире криотурбогенератора мощностью в двадцать тысяч киловатт.

— С него начнется энергетика XXI века,— убежденно говорил тогда директор института академик Глебов.— Электрические машины существующей конструкции скоро достигнут предела мощности, и наши надежды связаны с практическим применением явления сверхпроводимости металлов при температурах, близких к абсолютному нулю...

Явление сверхпроводимости известно из школьного курса физики. Суть его в том, что при температурах, близких к —273°, некоторые металлы и сплавы полностью теряют электрическое сопротивление, и, значит, ток в них передается почти без потерь. Для электромашиностроителей это сущий клад. Расчеты показывали, что достаточно компактные по размерам агрегаты, использующие глубокий холод, смогут достигать невиданной мощности! Например, в несколько миллионов киловатт при кпд, равном 99,5 процента! Фантастика...

Но это теоретически. Понадобились годы, чтобы подойти к весьма скромному рубежу в двадцать тысяч киловатт. И тогда, в 1981 году, мечты моих собеседников — заместителя главного конструктора А. Карымова и ведущего конструктора С. Иванова — о будущих «миллионниках» представлялись все-таки мечтами. Слишком много проблем в области металловедения, теплофизики, термодинамики предстояло решить, чтобы создать необыкновенную установку...

И все-таки верить оптимистам надо! Когда коллективу ленинградского объединения «Электросила» дали задание создать криотурбогенератор, он отнесся к нему по-деловому буднично: «Тропинка учеными протоптана — дорогу проложим». И взялись создать первый в мире криогенный турбогенератор мощностью триста тысяч киловатт. Более того, приступить к его испытаниям в феврале 1986 года. Сказано — сделано. Есть генератор XXI века!

Мне довольно часто приходилось бывать в объединении, наблюдать многие этапы рождения машины. Убежден, что успех дела предопределило тесное содружество науки и производства. Это характерно для сегодняшней «Электросилы». Принципиальная новизна генератора требовала творческого подхода к делу в равной мере и от исследователя, и от слесаря; продвигаться вперед можно было только в одной связке.

— Начнем с того, что ротор машины за исключением обмотки сделан из титана. Для обработки его пришлось использовать совершенно иные инструменты, иную оснастку и технологию,— рассказал начальник цеха Н. Арсеньев.— Конструкторы, технологи, рабочие думали над каждым узлом вместе. Отметить следовало бы всех. И все-таки выделю ветеранов В. Кудрявцева, В. Колоскова, Б. Жолондзя. Они собирали еще первую послевоенную продукцию... А тут, можно сказать, заглянули в следующий век. И не растерялись!

Примечательно, что и в других цехах, говоря о мастерах, отличившихся при выполнении заказов для «трехсоттысячника», как правило, подчеркивают ценность вклада именно тех, кто сумел объединить науку и практику. Например, в инструментальном цехе конструктор Н. Вилов, старший мастер В. Павлов, фрезеровщик А. Боровиков, слесарь Е. Хомутов в сжатые сроки создали станок для расточки. В опытно-экспериментальном цехе многое сделала группа инженеров С. Виноградова и В. Казарина, технолога Л. Шульмана, слесарей И. Штыркина и Н. Епишина, токаря В. Хрящева... А вообще справедливость требует назвать десятки фамилий! Причем назвать не только электросиловцев, но и смежников из объединений «Ижорский завод», «Большевик», «Пролетарский завод». Надо бы перечислить и сотни разработок, рационализаторских предложений, находок новаторов, изобретателей. Они воплотили в металле то, что недавно казалось фантастикой.

Настал день, когда в многометровом цилиндре криостата начался первый этап испытаний — захолаживание ротора. Надо было определить критические параметры сверхпроводниковой обмотки. Причем проверялось и криогенное оборудование. Электроника на базе отечественного информационно-вычислительного комплекса анализировала «самочувствие» ротора.

Методика эксперимента отрабатывалась «с листа». Все внове! Сейчас полученные результаты надо осмыслить. Ну, а ротор сдает следующий зачет — испытываются его опорные поверхности. Ротор, как уже говорилось, сделан из титана — металла очень вязкого. Поэтому его опорные точки, так называемые шейки, напылены из сплава молибдена. Они и проверяются в деле — титановый ротор экзаменует сплав! Примечательно, что необычная машина вдвое легче и меньше серийных турбогенераторов. Но превзойдет их по всем характеристикам.

В общем, налицо те преимущества, о которых пять лет назад мечтали создатели экспериментального генератора. Достигнутое — лишь первый шаг. Электросиловцы в нынешней пятилетке разработают технический проект криотурбогенератора большей мощности.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ

СССР

НЕТ

НО МЫ ЗА МИР

USA

Двух политик отражения
От проблем разоружения.

Дм. Демин

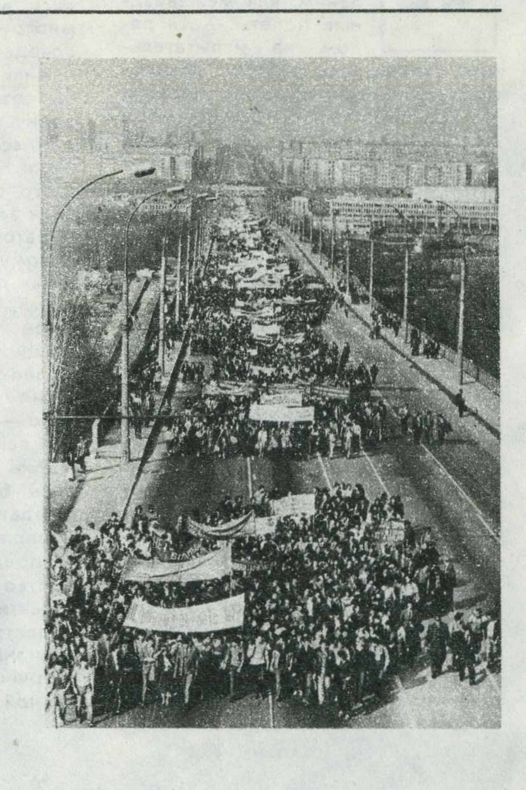
Рисунок КУКРЫНИКСЫ

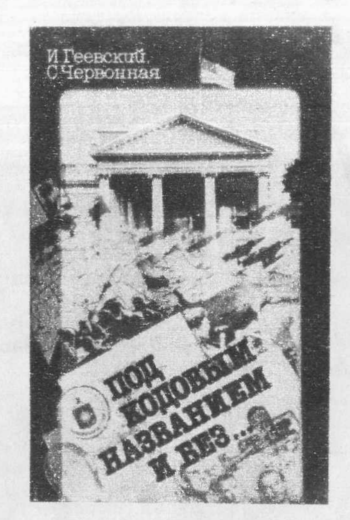
ТРЕБУЕМ МИРА!

«Не дадим взорвать мир!», «Нет гонке вооружений в космосе!», «Европе мир и безопасность!» — с такими лозунгами тысячи молодых москвичей вышли на весенние, залитые солнцем улицы столицы. Манифестация советских юношей и девушек была посвящена Международному дню солидарности молодежи и Международному году мира.

Фото А. БОЧИНИНА

КОГДА НЕ НУЖНА ПРАВДА

«Недавно специалисты лос-анджелесской фирмы «Колор системз текнолоджи» разработали методику превращения черно-белых кинолент в цветные. Художники выбирают по своему вкусу цвета и оттенки для каждого из персонажей и предметов, имеющихся в кадре. Они могут, например, одеть героиню в платье, окрашенное в бледно-лиловый или в кричаще-розовый цвет. Дальнейшую работу проводит специальная компьютерная техника. Таким путем черно-белые фильмы смогут заиграть всеми цветами световой гаммы...

Но пока это дело будущего. Что касается политики, нечто подобное давно уже практикуется в Вашингтоне. Ленту событий, происходящих в мире, они перекрашивают по своему усмотрению в желательные для них цвета: политику США, естественно, изображают в розовых тонах, а политику СССР, других прогрессивных стран, неугодные им движения, события, деятелей — в сумрачно-черных. В результате картина мира предстает в искаженном свете — в таком, который бы соответствовал интересам и целям Вашингтона».

Такое образное сравнение приводят авторы книги «Под кодовым названием и без...», вышедшей в издательстве Агентства печати «Новости». Оно в полной мере соответствует содержанию самой книги, рассказывающей о том, как функционирует гигантский аппарат лжи, которым располагает американский империализм.

Для того, чтобы лучше разобраться в событиях дня сегодняшнего, порой не лишним бывает вспомнить прошлое. Вспомнить и проанализировать. Книга «Под кодовым названием и без...» дает своего рода ретроспективу политической жизни Соединенных Штатов, вернее, политических уверток и махинаций, осуществленных в разные годы и разными деятелями из высших эшелонов власти этой страны. Дело Розенбергов и попытка вооруженной агрессии против Кубы, государственный переворот 1954 года в Гватемале и шпионский полет Пауэрса — эти и многие другие события стали объектом дополнительного и тщательного рассмотрения авторов книги.

...Один из разделов книги посвящен инциденту в Тонкинском заливе, положившему начало агрессии США против Демократической Республики Вьетнам. Подробности этого инцидента в течение долгого времени были покрыты мраком неизвестности. Были ли в действительности какие-либо вьетнамские торпедные катера в том районе, где американские эсминцы подверглись якобы нападению? Если нет, то что произошло на самом деле? Вот что писал впоследствии об этом Джеймс Стокдейл, пилот, поднявшийся в воздух с авианосца для поиска этих мифических катеров: «Командира отряда эсминцев стали одолевать сомнения. Он то и дело упоминал, что... радиолокаторы не могут захватить цель, что, возможно, принятые сигналы были ложно истолкованы, а выводы из-за плохой видимости сделаны неверные... Командир просил тщательно проанализировать все, что он сообщает, прежде чем принять какие-то дальнейшие меры... Хорошо было уже то, что в Тонкинском заливе нашелся хотя бы один командир, у которого хватило мужества прекратить эту комедию и сказать правду...»

Но эта правда, как показали дальнейшие события, была меньше всего нужна тем, кому она адресовалась.

«Уже при создании Соединенных Штатов закладывались традиции официального лицемерия,— пишут авторы книги,— ложь возводилась в ранг государственной политики...» Это и неудивительно. Ведь подлинные цели и политика империализма США находятся в столь остром противоречии с интересами и чаяниями народов, с их нормами морали, что даже при всем своем цинизме и пренебрежении к остальному человечеству власть имущие в США не решаются говорить об этом открыто. История раз за разом разоблачает ложь, как бы искусно ни была она состряпана. Но усвоить эту закономерность империализм не в силах и по сей день.

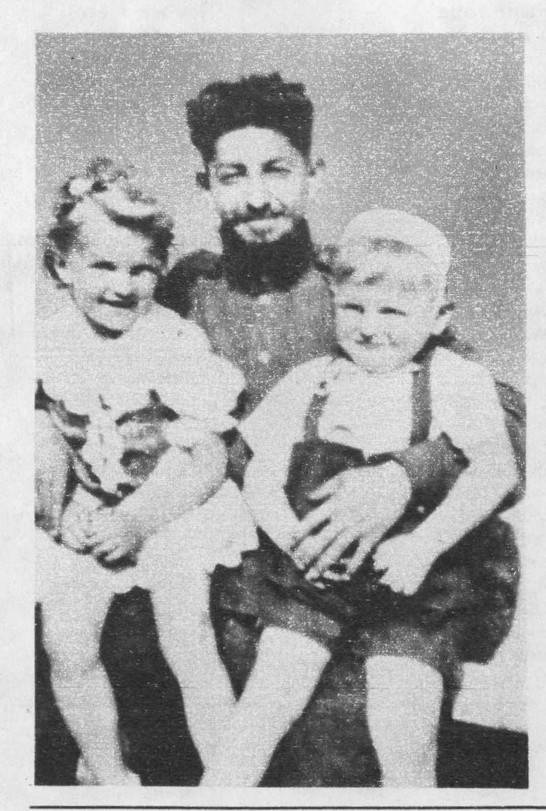
С. АНДРЕЕВ

И. Геевский, С. Червонная «Под кодовым названием и без...», М., Издательство Агентства печати «Новости». 1985 г.

среди книг

9 МАЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ — ЗАВЕРШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО НАРОДА И ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАНЫ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Этот снимок сделан в последний для нас день войны — 11 мая в чехословацкой деревне Либковице, недалеко от города Роуднице на реке Лабе.

Наша гвардейская Фастовская ордена Ленина, Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого танковая бригада 3-й гвардейской танковой армии маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко участвовала в боях за Берлин и освобождение Праги.

Весть о долгожданной Победе мы получили в ночь на 9 мая в предместье Праги. Но для нас война еще не кончилась. Предстояло покончить с группой армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал Шернер.

Танковая бригада, в которой я воевал, вела в те дни бои около города Роуднице, захватила переправу через Эльбу (Лабу) и очищала чехословацкие населенные пункты от фашистов.

Жители встречали нас как долгожданных освободителей. Так было и в деревне Либковице утром 11 мая. За деревней еще шли бои, а возле школы на небольшой площади установилось относительное затишье. Ко мне бросились двое ребятишек, лет трех-четырех. Они прижались ко мне, как к родному. Я взял обоих на руки, одарил немудреным солдатским гостинцем — сахаром и плиткой трофейного шоколада. Тут бригадный фотограф и щелкнул нас. Вскоре мы ушли из этой деревни, я так и не узнал, как зовут малышей. Но помню, что они выбежали со двора рядом со школой. Мне кажется, это были брат и сестра.

Кем они стали? Как сложилась их судьба в новой, социалистической Чехословакии?

О себе скажу, что я воевал на Украине, в Польше, в Германии. Награжден орденами и медалями. Ныне работаю в Академии наук Азербайджанской ССР, доктор философских наук.

Я поздравляю народ Чехословакии с праздником и очень надеюсь, что откликнутся мои друзья с фронтовой фотографии.

А. Шакир-Заде.

Баку.

ОТЗОВИТЕСЬ

Дорогие товарищи!

Мы живем в небольшом среднечешском городке Местец-Кралове.

В городской хронике значится: «В наш город 9 мая 1945 года в 5 часов после обеда пришел майор Шеляев из Москвы и капитан Олинищенко из Киева со своим отрядом. Майор Шеляев поздравил граждан с Победой, побывал в городской ратуше, а вечером того же дня бойцы ушли на Прагу.

12 мая 1945 г. в Местец-Кралове приехали генерал Торгиев и полковник Богданов со штабом. Генерал и офицеры жили в семьях горожан до 3 июня...»

Помогите нам найти советских воинов-освободителей!

У нас похоронен погибший на чехословацкой земле Синитаров Михайлов (так написано на памятнике, но, видимо — Михаил) Андреевич, 1926 года рождения. Посылаем фотографию, на которой наши пионеры в почетном карауле у могилы героя. Кем был Синитаров? Может, отзовутся те, кто знал его?

С дружеским приветом

Ян Вондржичка

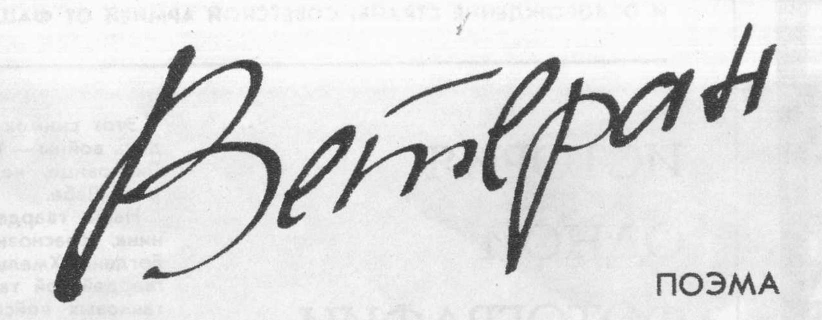
Местец-Кралове.

Память о воинах — освободителях священна.

Петр ГРАДОВ

Ветеран

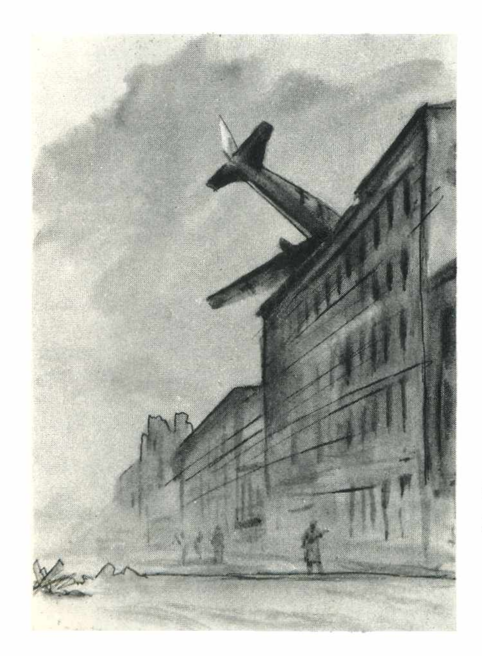
ПОЭМА

Встретил я
в столярной мастерской
старика.
Он был как лунь седой.
А глаза
из-под седых бровей —
неба первомайского
синей.
Как в лесу там было —
в мастерской.
Пахла стружка
хвоей и смолой.
Тут как раз
работу кончил дед.
Внучка
принесла ему обед.
Он, сказав:
«На ус мотай, сынок»,—
начал разговор.
Нет, монолог:
«Погляди вокруг,
заметишь ты —
беды все у нас
от суеты.
Занимайся делом,
встав чуть свет.
Остальное —
суета сует.
Верно говорят,
что без труда
не достать
и рыбку из пруда.
Но и рыбку —
карп то иль карась —
тоже не поймаешь,
суетясь.
Делай дело
с толком, не спеши.
Главное —
от сердца, от души.
Без охоты
трудится свой век
самый разнесчастный
человек.

Мне вот скоро
восемьдесят лет,
а на отдых
неохота, нет.
Можешь ты поверить,
например,
что еще я
не пенсионер?
Отними рубанок
у меня,
не смогу прожить,
пожалуй, дня.
С ним расстался
только на одну,
на четырехлетнюю войну.
Помню —
каждый мы клочок земли
защищали, бились,
как могли.
А потом
настал тот самый час —
повела война
на запад нас.
Шли мы
по исхоженным местам —
по равнинам нашим
да лесам.
Лес... Давно я
породнился с ним,
пропитался
запахом лесным.
Лес... Он всюду,
в стороне любой,
все четыре года
был со мной.
И хоть я
не верил в чудеса,
только знал —
вернусь в свои леса.
До Берлина
не дошел чуток,
ранили,
и сразу — на восток.
Оказалась рана
тяжела,
чуть меня в могилу
не свела.
Одному, признаться,
был я рад —
руки целы,
значит, жив солдат.
В сорок пятом,
в августе,— домой.
И запел рубанок
под рукой.
У меня друзей
полно вокруг.
Вот и он мне тоже —
верный друг.
С ним давно мы дружим
всей семьей —
дети, внуки,
даже правнук мой.
В деле —
от зари и до зари.
Умница он,
что ни говори.
Вьется стружка,
вьется столько лет.
Не тускнеет
золотистый цвет.
Словно солнце
с неба я достал
и его легонько
обстругал.
Дело делом.
Все, конечно, так.
Ну, а в выходные
я — рыбак.
В этом деле мастер
правнук мой.
С ним рыбачить
ходим в выходной.
Побродил у речки по траве,
отдых — и рукам, и голове.
С удочкой-то,
надо полагать,
лучше, чем с бутылкой,
отдыхать.
Никогда ее не уважал
и ни разу пьяным не бывал.
Для меня что пьяный,
что свинья.
За людей
их не считаю я.
Да, вот так
почти что целый век
прожил я —
счастливый человек.
В чем причина,
точно знаю я —
все она,
все женушка моя.
Ох, как я любил ее,
жалел.
Никогда обидеть
не посмел.
Слова не сказала
поперек.
Как же я ее
обидеть мог?
Родила мне
пятерых детей.
Золотую справили мы с ней.
Были вместе мы
полсотни лет,
а ворчать
не научилась, нет.
В юности
как яблонька цвела
и седая хороша была.
Все умела,
все давалось ей.
Всех милей была мне,
всех родней.
И кормила,
и поила нас —
все спокойно,
все не суетясь.
И не по душе
ей были те,
что живут на свете
в суете.
С той поры,
наверно, от нее
к людям
отношение мое.
Я тебе
всю правду говорю.
Спорь не спорь со мной,
а повторю:
занимайся делом,
встав чуть свет.
Остальное —
суета сует.
Вот собранья.
Сорок хлопцев тут
воду в ступе
три часа толкут.
Сорок.
Да за три часа притом
ведь могли б построить
целый дом.
А в масштабе
всей родной земли
целый город
выстроить могли б.

Нет, собранья
надо собирать,
ну, три раза в год.
Ну, ладно, пять.
И ведь так бывает,
что подряд
все одно и то же говорят.
Вот бы нам
такой закон издать —
помолчи,
коль нечего сказать!
Видимость одна
да маета.
Суета,
пустая суета.
Точно было
сказано, ей-ей,
про
прозаседавшихся людей.
В яблочко тогда
поэт попал.
Это ведь и Ленин
отмечал.
Сам он говорильню
не любил.
Как он Совнаркомы
проводил!
Много бед
преодолел народ.
Говорильня
до сих пор живет.
А по мне,
учти мои лета,
говорильня —
та же суета.
Скажешь: а ведь сам
болтлив ты, дед.
Что, сынок,
скажу тебе в ответ...
Я, быть может,
в жизни первый раз
говорю так длинно,
как сейчас.
Но притом учти —
запрета нет
говорить,
пока идет обед.
Я ж надеюсь —
дурья голова,—
что запомнишь ты
мои слова.
Да, у вас
нелегкий тоже труд —
пишешь,
а поймут иль не поймут?
Нынешних
судить я не берусь.
«Теркина» вот знаю.
Наизусть.
Книги я всегда
читать готов.
Только больно много
пишут слов.
Этим сам
под старость я грешу.
Так ведь я же
книжек не пишу...
Одного б хотелось
в жизни мне —
чтоб могли забыть мы
о войне.
Мастерить столы
ребят учу.
А кресты — не буду.
Не хочу!
Ты вот видел — лозунги
несут,
где два слова рядом:
Мир и Труд.
Говорю: «Трудись,—
ребятам я,—
тут и есть
борьба за мир твоя.
Потому и нет
сейчас войны,
что известно всем,
как мы сильны.
А вот взрывы новые —
опять.
Нас хотят заставить
догонять.
Что они богаче,
спора нет.
Ведь войны не знали
сколько лет.
Думают
нас гонкой разорить,
чтоб невмоготу нам
стало жить.
Чем ответишь?
Есть один ответ —
занимайся делом,
встав чуть свет.
Вот и дисциплина...
Все туда.
Без нее никак.
Одна беда.
Нет, недаром
лозунги несут,
где два слова рядом:
Мир и Труд».
Докурил старик
свой «Беломор»,
помолчал,
в окно взглянул, во двор.
После
на рубанок посмотрел,
в руки взял —
и вот уже запел
тот рубанок,
как в руках отца,—
песню,
у которой нет конца...

Е. Трегуб. 1920—1984. ОПОЛЧЕНЦЫ. 1983.

Ю. Ворогушин. 1913—1965.
НЕМЕЦКИЙ ТРАНСПОРТ.

С. Годына. Род. 1921.
БЕРЛИН. МАЙ 1945 ГОДА.

В. Кохаль. Род. 1941. НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ. 1985.

Б. Угаров. Род. 1922. ЛЕНИНГРАДКА. В СОРОК ПЕРВОМ. 1961.

Геннадий ПАЦИЕНКО

ЛИЧНАЯ КНИЖКА МАТЕРИ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной...

К. Н. Батюшков

1

Волновала меня только медаль, медаль матери, которую хотел я найти во что бы то ни стало, увезти с собой как гордость и славу матери и всей нашей большой семьи. Из-за медали я и переживал. И, как выяснилось, не зря. Не скрою, в детстве, случалось, любовался я ею и тут же прятал почему-то обратно. Вероятно, потому, что в ту пору были больше в почете фронтовые ордена и медали.

Но теперь-то я точно знаю: медаль матери-героини в наши дни имеют немногие. Так мало, так редки они, что встретить в последние годы с подобной наградой женщину среди знакомых мне ни разу не довелось. Зато сколько видел я их мальчишкой: в городах, деревнях, поселках и даже на своей улице, на которой почти бок о бок по соседству жили две матери-героини. И лишь через годы, через прожитые десятилетия оценил я наконец и эту награду...

Медали я не нашел. Не веря поначалу в ее пропажу, я по наивности долго перебирал содержимое сундучка за печкой и ящиков фанерного шкафа.

В опустевшем доме награда не залежалась. Но я не досадовал о потраченном времени, как только обнаружил другое. Я нечаянно отыскал «Личную книжку матери», по которой мать в послевоенные годы получала пособие на детей. Волнуясь, листал ее и дивился, что не помнил, не предполагал даже о ее существовании. Неловко и грустно, а точнее непростительно было не знать о ней...

С другой же стороны, я словно бы напал вдруг на редкую находку, которую не видел ни у кого из своих друзей. Пожалуй, оно так и было. Книжка что-то напоминала, и я вначале не мог понять — что?

Но потом как-то разом вспомнил.

Поистершаяся, со ржавой скрепкой и без последней страницы, «Личная книжка матери» по виду походила на книжку сберегательных вкладов. Она была из той же бумаги. Но только по виду. И не более.

Материнская книжка была с иным совершенно счетом.

Счет в ней открывали дети.

Чьей-то старательной рукой аккуратно были вписаны в книжку имена сестер и братьев. И против каждого — два поясняющих кратких слова — «п р и м а т е р и».

А вот и собственная ее роспись на первой странице, крупная, как у первоклассницы, выведенная рукой, не привыкшей держать перо. На той же странице и государственный герб с тремя буквами НКФ, возможно, обозначавшие — народный комиссариат финансов, а может, и что-то иное. Там же рядом и типографский номер самого документа АА 827606 и текст положения о книжке: «Ежемесячные пособия многодетным матерям выплачиваются со второго года рождения ребенка до достижения им пятилетнего возраста...»

Прочтя, я нескрываемо удивился: а первый? Разве легок он после родов, сплошь состоящий из тревог, недосыпаний, забот?

Нечто значимое, по-видимому, заключалось в возрасте от двух до пяти, если взят он в расчет. Что же уцелело от него в моей, теперь уже взрослой памяти?

И вот же странно и удивительно, а первым почему-то представилось детство самой матери. Именно о нем однажды случайно узнал я из сбивчивых, коротких материнских рассказов. Россыпью разорванных цветных бусинок видятся они мне сейчас. Я пытаюсь их собирать и нанизывать на нить памяти.

Зимой ездят в деревню редко, разве что по особому случаю. Но мне как-то удалось выбраться и без причины. Запомнились туман, волглый ветер, раскисший снег и набухшие в оттепель со ржавой ледяной коркой ручьи. Сидя в теплой избе, я слушал мать. Она сравнивала день с погодой сорок третьего года в наших краях:

— Ох и проклинали же тогда солдатики зиму! Что в блиндажах, что в окопах, траншеях — всюду вода была...

В сорок третьем мне как раз было около пяти. Лето мы провели в лесу, в еловом шалаше, в ожидании наступления наших войск. Однажды я даже заблудился, пропал вдруг из многодетной семьи мальчишка. В погожий день я самовольно забрел на опушку леса, не зная назад дороги. От внезапных орудийных выстрелов содрогался, лопался, рвался как будто воздух. Поначалу растерянный, я узрел затем командира, резко рубившего рукой воздух при слове «огонь», и не только вмиг успокоился, но и любопытствующе уставился на вздрагивающие орудия. Плачущая и растерянная, отыскала меня вскоре мать. И не было большей радости, чем видеть сына живым.

Не забывала потом и она этот случай.

— Ночами,— продолжала рассказывать мать,— шли наши на передовую: шу-шу, шу-шу, и так до рассвета по снежной слякоти, чтобы немцы не видели. Туда шли, а вот обратно одних раненых везли. Ох и перемолотило же за сожженной деревней народу!

«Перемолотило» и впрямь немало. Костей, черепов, колючей проволоки да воронок хватит на многие поколения. Будут люди смотреть и удивляться небывалой битве. Рассуждая, мы с матерью время от времени взглядывали на экран телевизора, где в это время показывали фильм «Чапаев». Две старинные песни о черном вороне и ревущей буре пропели в нем бойцы с командиром.

— Хорошо-то выводят как,— заметила мать.

И вслед за этим я узнал от нее об уроках пения, к которым приобщили мать еще в детские годы в школе.

— Жили мы хуторами, и была рядом с лесом начальная школа. И вот в хорошую погоду учительница приглашала нас на полянку песни разучивать. Пела я потом девочкой и в церковном хоре. Брали только самых способных, и в воскресенье по большаку учительница вела нас в церковь. Детей любили слушать, хор собирал много народу, семьи у всех были большие.

Как сожалею сейчас, что не могу услышать ни ее речи, ни рассказов, а воспроизвести их простыми словами никогда не удастся.

Тогда же узнал я от матери и о любимце в их семье — коне Орлике, смотреть за которым было отчасти детской заботой. За пятнадцать верст мать ездила на телеге к деду. Трудно понять мне, как молодой да горячий конь повиновался ее ручонкам, державшим вожжи, как слушался ее тонкого голосишка...

А вечерами детям доверяли коня уводить на луг. Орлика стреноживали, а затем привязывали на длинную веревку с вогнанным в землю колом. Конь никогда не покидал луга и привычно откликался на детский зов. Однажды мать заметила, что конь покорно и часто вздыхает, вяло и неохотно жует, выглядит смурно-нерадостным. В его вздохах заключалось нечто тревожное и людское, о чем было сказано немедля отцу. Походил он вокруг коня, понаблюдал: «Что-то наш Орлик предчувствует...» И не ошибся.

Разгорелась империалистическая, в числе многих коней отдали Орлика армии. На войне и канул он, погиб, как воин. Как о воине в семье и вспоминали о нем.

От старинных, добротно красивых когда-то мест, через которые девочкой ездила мать к деду, и следа уже не осталось. В войну здесь пролегала передовая, та самая, о которой зимой мать рассказывала. Лесное запустение на многие километры вызывало ощущение забытости и отчуждения.

В который-то раз проникаюсь я горьким сожалением, что не сумел купить портативный магнитофон — записывать воспоминания матери: то не было денег, то небольших магнитофонов, а тем временем неумолимой рекой уплывали дни, месяцы, годы.

2

Мать прибаливала не первый год — болело сердце. Приступы делались частыми, беспокойство росло. Ее надолго поместили в больницу. Проведать мать съехались сыновья. Получилось же, что простились. Из окна сельской больницы, построенной на месте снесенной церкви, где пела мать, скорбно смотрела она теперь на сыновей, ожидавших попутный трактор-молоковоз с прицепом. И то появлялась, то отдалялась, одухотворенно-скорбная, в глубь палаты. Она лишь кивнула им так тихо, как качается только заваленная снегом лесная хвойная ветвь... И это было ее последним прощальным знаком.

Трактор дернулся, покатился пологим спуском к реке, и, уменьшаясь, навсегда отдалилась мать за больничными окнами...

Не удается забыть мне одной и той же картины. Перед глазами стоит вперемешку желтое и солнечное. Треск августовских кузнечиков, знойный день — и мать, жнущая с утра жито. За грядками с картофелем видно, как разгибается мать, чтобы повязать сноп.

Она торопится кончить клин, и я спешу помочь. Обхватив увесистый сноп, несу его по колкой свежей стерне туда, где должны ставить бабки. Запах ржаных колосьев и свежей соломы хмелит и неосознанно радует меня, наполняет мальчишеским восторгом.

Ничего лучшего с тех пор я, пожалуй, и не испытывал. Как хорошо бы еще раз увидеть и хлебное поле, и ощутить жаркий августовский день, и услышать голоса кузнечиков под необъятным, знойно расплавленным небом, на миг почувствовать себя со снопом в руке белобрысым мальчишкой. Не это ли и зовется в трудные наши минуты счастьем?

Больше матери тем летом в колхозе никто не сжал.

3

Вечный спор между детьми-малышней: кого с собой возьмет мать в городскую поездку? Трсим сыновьям от двух до пяти. Никто из них не будет забыт. Сколько помнится, никогда не возвращалась мать без гостинцев, что-нибудь да привозила, как птица в клюве, одаривала в семье и малых, и старых.

Ездила же чаще всего за хлебом.

Ходил подростком и я на станцию — помогать нести хлеб. Вкус хлеба до сих пор часто напоминает мне о послевоенных тех днях... Но однажды ездил и в город, всего раз, который запомнился навсегда.

Добирались обратно мы каким-то товарным поездом, экономили время, а вышло наоборот. На разъезде баб с ребятней неожиданно ссадили из пустых товарных вагонов, скорее всего, за нарушение правил проезда: транспорт тогда работал строго по уставной дисциплине.

Железнодорожные ревизоры потребовали документы. Беспокойно и боязно детской душе за случившееся, будто натворил что-то худое и вот-вот будешь наказан. Мать развязала платочек и протянула маленькую книжицу. Нас отпустили. Верст семь еще было до своей станции да столько же до деревни. Попали мы домой поздним вечером. Я так и не спросил у матери, что предъявляла она ревизорам...

Документ этот теперь у меня в руках, я листаю его, и вспоминается утро после приезда.

Мальчишкой я несу в поле еду работавшему на тракторе старшему брату Павлу. Несу ее горячей, вместе с хлебом, привезенным накануне из города. В кустарниках и полях меня сопровождает без умолку треск сороки. Она словно бы поторапливает с материнским наказом: что может быть хуже, нежели оставить брата голодным?

Брат что-то ремонтировал в тракторе. На телогрейке лежали детальки. Павел нервничал. Простой трактора не сулил ничего хорошего. Брат поспешно поел на зеленой меже и принялся опять за ремонт. Но тут же почему-то вернулся и потребовал вывернуть карманы:

— Кольцо от магнето брал?

Непонимающе смотрел я на Павла. Таким странным он прежде не помнился. И увидеть-то как следует не увидел его разобранное магнето.

Я ушел от Павла обиженным.

А через неделю в приречных лозняках мальчишками смотрели мы старые сорочиные гнезда. Кто-то подзудил проверить, уверяя, что в прежних гнездах сороки не селятся. И в одном из них, под облетелой прошлогодней листвой, обнаружилось нежданно кольцо. Никому не взбрело бы подумать, что унесла его с поля сорока, стрекотавшая в кустах на окраине поля.

С удивлением и торжеством показывал я затем эту находку. Местный учитель написал про случай в областную газету. Павел прочел заметку и, заглаживая вину, без конца приглашал кататься на тракторе.

Страницу за страницей, то забегая вперед, то возвращаясь, листаю и перечитываю я материнскую книжку. И признаться, горжусь, что рос окруженный сестрами, братьями. Ведь пока живут они, я знаю, что не забыт, и кто-нибудь обо мне печется и помнит, как помню о них и я.

Через их судьбы глубже постигается и соб-

ственная моя жизнь. Но счет моих близких уже не тот, что в книжке. Один из братьев пал в Отечественную... И все-таки мне, пожалуй, лучше вспомнить самого младшего. С ним виделся я больше, к тому же последнего матери любят особенно. Где бы младший ни учился и ни работал — родителям присылали благодарности. Семейного уже, я провожал его за границу, вручил в дорогу банку с грибами и набор открыток с русской природой. Брат поместил подарки в потертый портфель, с которым показаться в столице не каждый осмелился бы. Удивляло, что ехал он с ним не куда-нибудь, а за границу. Я заметил, и брат рассмеялся:

— В нем-то самое ценное из всего, что везу!..

Загадочно улыбаясь, он протянул руку к поношенному, по целому пока что портфелю и на удивление мне извлек оттуда длинную, толщиной в палец, с увесистой пластмассовой ручкой отвертку, с которой ему предстояло за границей работать:

— Ни одной царапины. Бей чем угодно — все выдержит!

И сверхпрочная, возникшая не к месту отвертка связалась тогда с судьбой многих близких, из которых каждый стремился кормить себя рано сам.

Павел же, по убеждению матери, вообще совершил едва ли не подвиг. То же полагали потом и другие. После оккупации брата командировали за скотом в Башкирию. Оставался год до призыва его на армейскую службу.

С колхозным дедом на пару они за сорок дней перегнали огромное стадо коров и телок. Покладистый и немногословный, брат вдоволь натерпелся в дороге лиха: ночевал под открытым небом, спал у затухшего костра, брел под дождем и едва не умер — берег и подстраховывал старик своего напарника. И вроде бы у костра однажды предсказал парню скорую кончину, если не будет беречься, вести себя осмотрительнее.

Трудно поверить, но опасения мудрого деда сбылись.

На осенней ненастной вспашке Павел замаялся головой. Вначале и не признался, продолжая спать на сеновале по дорожной привычке. В больницу района повезли, когда болезнь всерьез затерзала, и Павел был почти в полубреду. Мать обещала за спасение корову-кормилицу. Болезнь выявили запущенной. В доме лишились помощника и опоры.

И до конца дней потом мать искала в себе причину, что не уберегла сына.

4

Многие годы взрослым детям не удавалось собраться в родительском доме. Но и когда беда стряслась, быть вместе все равно не удалось.

Дочки жили на Крайнем Севере и вовремя приехать не поспевали. Зимой перед сумерками мать хоронили без них. С кладбища возвращаться сразу в дом не хотелось. Опустелый, он и отпугивал, и притягивал. Двоих братьев увели родственники к себе в деревню. О чем-то говорили, что-то припоминали, но что и о чем — никто после не помнил: каждому думалось о зарытой только что матери...

Я же одиноко побрел к хуторским селениям; почему повлекло меня к ним, я и сам не знаю. Скорее всего, хотелось взглянуть, где девочкой мать стреноживала на ночь любимого Орлика, училась неподалеку в школе и пела в хоре на соседней лесной полянке. До сих пор кажется, что только я один знал и знаю об этом. Не эти ли ощущения и толкнули меня на сыновнюю исповедь?

Тишь и зимний покой царили вдалеке от жилья. Без тепла и людской суеты здесь охватывало одиночество, и на миг представилось, как металось, стонало и ныло материнское сердце в ночь перед кончиной — от обреченности и невозможности ни с кем из детей проститься.

Говорят, теряя родителей, будто бы окончательно человек взрослеет. Сколько бы лет ни было ему, а пока живы родители — молод он. Только с их утратой всерьез расстается он с годами молодости, приобретает зрелость.

В разных местах оказались со временем дети матери-героини. И корни, пущенные ими, до сих пор приживались в новых местах с нелегкой медлительностью. Они были как семечки яблока, унесенные птицами либо ветром.

Вчитываясь в последние страницы книжки, замечаешь, что размер пособий год от года уменьшается. «Личная книжка матери» истаивает, потому что дети взрослеют, и только имена их остаются в том же порядке, в каком проставлены в самом начале на одной из страниц.

Вписано в книжку и мое имя.

И лишь против двух имен старших братьев слова «при матери» отсутствуют. Братьев нет, а имена их по-прежнему определяют материнский счет.

Взрослея в мальчишестве, я то и дело убегаю на бывшую неподалеку передовую. На ней я пропадаю летом целыми днями. Влечет вглядеться в следы боев. В детстве в войну мы чаще всего и играем. И не потому ли хочется больше знать, что оставила после себя война подлинная. Мать не на шутку тревожится, переживая мое отсутствие. Из-за него и дальше может уменьшиться счет в ее личной книжке. Но приключения и любопытство перебарывают...

После я пытаюсь оправдаться, занять мать рассказами о своих похождениях. Я отвлекаю ее от дум и забот о нас. По крайней мере так кажется мне. Мать слушает и горестно сокрушается от моих забав и непослушаний.

Порой и детство бывает жестоким.

5

Ранняя стояла весна, солнечный апрельский выдался день. Снег сошел, и ощутимо с утра припекало. Две сестры, две пожилые женщины, две дочери из семьи матери-героини приехали на родину. И шли сейчас, едва не оставляя обувь в оттаявшей земле, шли на кладбище. Выбирали места посуше, прежде чем ступить на развороченной тракторами дороге.

В кустах у кладбища захворостено, сыро и холодно.

Поснимали платки, помолчали, скупо всплакнули у родительских могил. Повырывали сухую траву, сменили висевшие после похорон венки, повесили свежие — с черными лентами и золочеными надписями. После этого расстелили скатерть, положили к крестам несколько конфет и печений. Так принято. Так делают в этот день многие.

На отцовском же холмике сестры подправили вдавленную лосиным копытом землю. Помянув родителей, навестили и соседские могилы. Сравнили. И сокрушились, что не поставили до сих пор памятника своим родителям. Дети матери-героини могли бы как-нибудь скинуться. Могли бы... Да трудное получалось дело, эти памятники-надгробия: где-то в городе их надо заказывать, ждать длинной очереди, затем доставлять бездорожьем на кладбище — отпуска не хватит...

Возвращаясь, перебрали, будто обновили, житье-бытье свое. В доме же устало опустились на старые отцовские самодельные табуреты: до следующего года теперь, до новой весны, если к тому времени все будет ладно.

6

Время скопило немало книг на полках в квартире. Не меньше их и у знакомых. Но ни у кого из них нет той, которую храню я. Перед глазами нет-нет да и встанет единственная, тонюсенькая, сероватая, продолговатая, со ржавой скрепкой, сделанная из той же бумаги, что и сберегательная книжка. Можно бы назвать ее и книжечкой, а лучше — книгой матери. Где еще, как не в книге, и прочтешь о ее судьбе?

Я часто листаю ее и всегда волнуюсь: прочтет ли кто другой после меня сероватую по цвету, но с самым большим вкладом, который мне доводилось когда-либо встречать,— «Личную книжку матери».

Из читаных книг я не знавал содержательнее и богаче ее. Единственный документ, который брала мать в дорогу. Других же документов, пожалуй, и не было. Во всяком случае, видеть их у матери мне не доводилось.

РАДОСТЬ СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Мне было семь лет, когда началась война. 22 июня к нам в рабочий поселок Красноярского края Рыбинского района приехал кукольный театр, и мы с отцом отправились смотреть «Три поросенка». Возле клуба увидели толпу людей, стоящих у репродуктора. Отец недоуменно спросил:

— Что за сообщение передают?

— Молотов выступает. Фашистская Германия напала на нас...

Отец быстрым шагом пошел домой. Я, схватившись за его палец, еле поспевал за ним. Дома прямо с порога он громко сказал: «Война, мать!»

17 августа, в воскресенье, родители отправились на покос. Я упросился с ними. За весь день я так умаялся, что отцу пришлось взять меня на плечи, когда возвращались домой. Свесив ноги ему на грудь и выставив вперед указательный палец, я воображал себя стрелком. У поворота дороги нам встретились лошади, которых гнали в ночное. Поравнявшись с нами, коногон крикнул: «Бронников, где ты пропадаешь, тебе повестка из военкомата пришла. Сдавай скорее свои бухгалтерские дела, машины уже поданы!»

Отец снял меня с плеч и пошел в контору, а мы с мамой — домой. Я уснул как убитый, а мама стала собирать его в дорогу: кружку, ложку, бритву, белье, папиросы. Меня и сестру отец поцеловал спящих и пошел к машине.

— Не провожай, уже темно,— обратился он к маме,— дети спят, иди и ты.

Словом, прямо как в песне: «Темной ночью простился на ступеньках крыльца». Всегда, когда я эту песню слушаю, у меня комок в горле.

Потом были отцовские письма с фронта. Последнее датировано 25 марта 1945 года: «Писать некогда, иду в бой».

И вот настало 9 мая. Наш третий класс занимался в первую смену. Только начался второй урок, как с неимоверной силой зазвонил звонок. Учительница выглянула в коридор посмотреть, кто это там балуется. А мы все разом повскакали с мест и завопили: «Ура! Победа!»

— Дети, сейчас бегом домой, — сказала учительница, когда мы немного успокоились, — переоденьтесь в самое хорошее, что у вас есть. Через час собираемся на школьном дворе и идем на площадь, будет митинг.

Домой я мчался не чуя ног. Рывком распахиваю дверь и кричу: «Мама, победа!» А она сидит и плачет, в руках у нее фотокарточка — я снят еще до войны в детском саду на фоне лозунга «Да здравствует наше счастливое детство!»

— Что ты плачешь,— говорю, — теперь папа скоро придет.

— Нет, сынок,— отвечает она, — не придет папа. Вот только что почтальон принес — она протянула мне бумагу: «В бою за социалистическую родину Ваш муж Бронников Иван Анисимович, проявив геройство и мужество, был ранен и умер от ран. Похоронен 3.04.45 в Польше, г. Торн, ул. Выбицкого, на городском кладбище в могиле № 9 с восточной стороны в первом ряду первый».

Уже после войны я разыскал однополчан отца, побывал в местах, где он воевал.

В. БРОННИКОВ

Ленск, Якутская АССР.

9 МАЯ —
ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

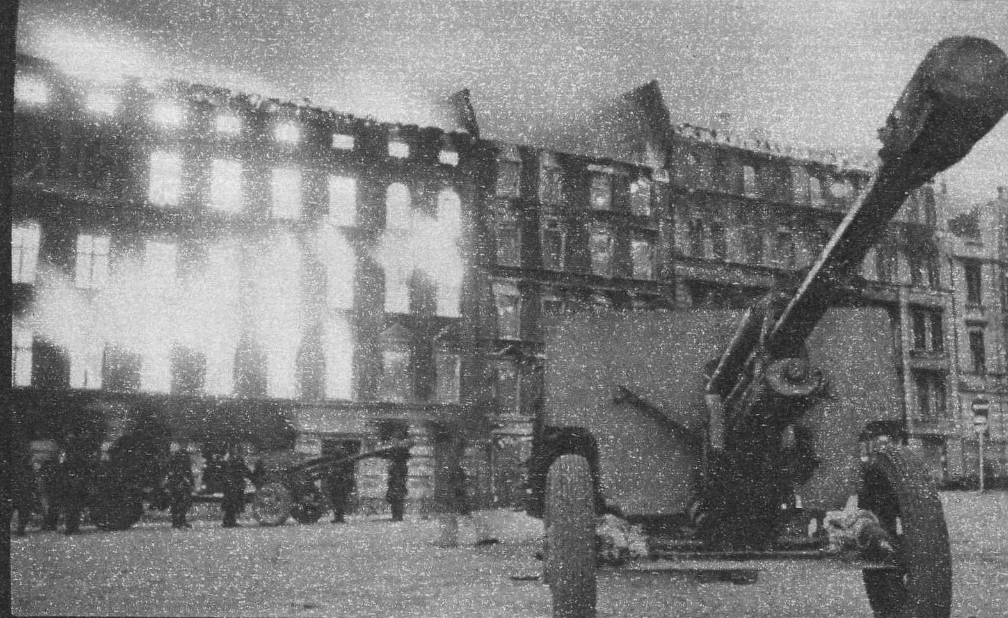
Вперед!

Танки выходят на исходные...

ВОЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Война пришла в Германию.

К орудию!

19 ноября 1942 года. На пути к Сталинграду.

Сбитый фашистский самолет.

На Одере...

ФОТОГРАФИИ ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

СТИХ И ПРОЗА И ЯРКИЙ ПЛАКАТ

Лариса **КОЛЕСНИКОВА**

«Тихо, крадучись во мгле по деревенским улицам и проулкам, осторожно обходя немецкие караулы и патрули, бесстрашные патриоты расклеивают, раскладывают на земле цветные полотнища советских плакатов и «Окон ТАСС». Плакаты клеют на заборы, сараи, дома, где стоят немцы... Однажды, увидев утром расклеенное по деревне «Окно ТАСС», немцы объявили боевую тревогу. Бывали случаи, когда фашисты из автоматов расстреливали плакаты». Это из «Рассказа партизана Саши», опубликованного в 1942 году в газете «Литература и искусство».

Первый лист «Окон ТАСС» появился 27 июня 1941 года. С тех пор плакаты ежедневно сообщали о делах на фронте, героическом труде советских людей в тылу, событиях международной жизни. На Кузнецкий мост, где помещалась мастерская «Окон», постоянно подъезжали фронтовые машины, увозившие на фронт свежие, еще пахнувшие краской произведения. Коллектив тассовцев насчитывал более тридцати художников и восьмидесяти поэтов. Его организовали П. Соколов-Скаля, Н. Денисовский, М. Черемных. Здесь работали скульпторы, графики, живописцы, театральные художники, искусствоведы, художники-текстильщики. И каждый, когда было необходимо, становился трафаретчиком, подсобным рабочим, грузчиком.

«В первые дни Великой Отечественной войны,— вспоминают Кукрыниксы,— к нам пришел Маршак и предложил работать совместно, вчетвером. Наше содружество мы в шутку назвали «Марш Кукрыниксов». «Окна ТАСС» делали известные художники А. Радаков, Б. Ефимов, В. Козлинский, В. Лебедев, А. Бубнов, П. Шухмин. Авторами текстов были В. Лебедев-Кумач, М. Исаковский, И. Эренбург, С. Михалков, С. Щипачев и многие другие. Д. Бедный, находившийся в то время в Казани, писал умоляющие письма, просил вызвать его. Тяжело больной, не дождавшись пропуска, он прибыл в Москву и вскоре стал одним из самых активных сотрудников.

Уже в первых работах тассовцы стремились воскресить героическое прошлое нашей страны. Один из плакатов назывался «Русский народ». Художник Д. Мельников изобразил на нем победоносные битвы русских воинов с тевтонцами на Чудском озере, с ордами Мамая, с прусскими войсками Фридриха II и с наполеоновской армией.

Не раз на плакатах вспоминались славные имена Дмитрия Донского, Кутузова, Суворова. Написанные о других событиях и битвах, с новой силой прозвучали в «Окнах» стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского. На одном из листов Соколова-Скаля был изображен памятник Пушкину, мимо которого шли бойцы, отправлявшиеся на фронт. Поэт как бы благословлял воинов: «Страшись, о рать иноплеменных! России двинулись сыны, восстал и стар и млад, летят на дерзновенных, сердца их мщеньем возжены».

Как только по радио передавали сообщение Совинформбюро, художники тут же набрасывали эскизы, а поэты, иногда опережая их, делали подписи. Часто тассовцы выезжали в расположение воинских частей и устраивали прямо в траншеях импровизированные выставки, рисовали портреты отличившихся бойцов. Особой популярностью пользовались сатирические «Окна». Художники не раз смотрели немецкие хроники, фотографии, изучая жесты, походку, внешность своих персонажей.

Художники часто получали письма с фронта. В одном из обращений к Кукрыниксам, присланном в ноябре 1941 года, были такие строки: «Дорогие товарищи! Прошу сделать карикатуру на тему: как у «сапога» (Италия) летят подметки и каблуки, а мы здесь, на фронте, поможем нашим союзникам добраться и до фашистского голенища. Крепко жму ваши руки. Лейтенант Шелушкин А. Ф. 23.XI.41 г.».

В октябре 1941-го большую часть сотрудников редакции эвакуировали в Куйбышев. Небольшая группа тассовцев, оставшихся в столице, под руководством П. Соколова-Скаля продолжала выпускать плакаты. Художник В. Масленников, работавший в трафаретном цехе, вспоминает: «17 октября работа началась как обычно. Чтобы убедить всех москвичей и бойцов на фронте, что москвичи работают спокойно даже в грозной ситуации, было решено на марке «Окна ТАСС» писать дату и слово «Москва». Както в мастерскую пришел приехавший с фронта политрук и рассказал, что геббельсовская пропаганда в своих листовках угрожает тассовцам, обещая им виселицу в первый же день после взятия Москвы. Этот рассказ вызвал бурную реакцию: тассовцы радовались, что их плакаты бьют в цель».

Перелом в ходе войны сразу же нашел отражение в «Окнах». Большим успехом пользовался плакат Кукрыниксов, изображавший Гитлера с кислой физиономией, в заштопанном мундире и в бабьем платке, на фоне географической карты с четко выделенным кольцом на Волге. Текстом его выбрали слова известной песни «Потеряла я колечко» и добавили: «А в колечке 22 дивизии». Это о разгроме немецко-фашистских дивизий под Сталинградом. Еще один плакат они посвятили поражению фашистов на Курской дуге. Тема солидарности с другими народами стала ведущей, когда советские воины выполняли свою освободительную миссию в Европе.

«Окна ТАСС» приобрели широкую популярность не только в нашей стране, но и за рубежом. По просьбе ВОКСа специально были подготовлены для заграницы плакаты с текстом на английском языке. Они были показаны в Англии, США, странах Латинской Америки, Китае, Швеции.

Узнав, что фашисты заказали в Швеции гранит для памятника в честь своей предполагавшейся победы, художник Б. Ефимов на одном из листов изобразил гранитную глыбу, затянутую паутиной. Мимо нее бежит ободранный фюрер, спасающийся от русских штыков. С недоумением спрашивает его Геббельс: «Мой фюрер, а что делать с гранитом, из которого мы хотели высечь твой памятник?» И Гитлер отвечает: «Не надо, уже высекли!»

«Тысячный удар» — плакат № 1000— подводил итог большого этапа работы. Эпиграфом к нему Н. Денисовский и П. Соколов-Скаля взяли слова В. Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо». Как ответ тассовцев поэту прозвучали стихи В. Лебедева-Кумача:

...Маяковский! Твою воплощая
мечту,
и поэт, и художник стоят на посту.
Врага неустанно и грозно громят
стих и проза, рисунок
и яркий плакат!

1250 плакатов «Окон ТАСС», вышедших за годы войны, стали поэтической и художественной летописью Великой Отечественной. Они навсегда останутся одной из ярких страниц в истории советского искусства. Жизнь подтвердила правильность слов М. И. Калинина: «Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо «Окон ТАСС», как не пройдут мимо «Окон РОСТА» при изучении Октябрьской революции».

ПОКЛОНИТЬСЯ ПОДВИГУ

В центре Волгограда, на высоком берегу великой русской реки, разместился музей-панорама «Сталинградская битва». Если вообразить себе это место зимой 1942 года, то возникнет картина самого адова пекла, поливаемого свинцовым ливнем: напротив — кирпичные руины пятиэтажной мельницы — единственное теперь здание, сохранившее свой облик после битвы; через улицу — знаменитый «Дом Павлова», где под страшным огнем противника переправлялись отважные гвардейцы генерала Родимцева.

Миллионы паломников со всех концов планеты приходят в наш музей поклониться подвигу советских солдат, отстоявших не только этот город, но и всю цивилизацию от фашизма.

В экспозициях и фондах хранятся тысячи уникальных экспонатов и документов, которые доносят до нас и свист осколков, и грохот взрывов, и зарево пожарищ, рассказывают о тех далеких, героических днях. Знакомят с подвигами солдат и командиров, партизан и жителей города, одержавших великую победу.

Боевая техника, побывавшая в боях за Сталинград, и пожелтелые листовки, письмо врача-воина Пономаренко, написанное его кровью, и шинель генерал-майора Глазкова, сто шестьдесят раз пробитая пулями и осколками, комсомольский билет Рубена Ибаррури и медаль «За отвагу» юной разведчицы Люды Родино — вот «типичные» реликвии музея, размещенного теперь в тринадцати строгих залах серого гранита и бетона, залах, заставляющих своей атмосферой ощутить тревожную, наполненную трагедией и подвигом обстановку того памятного времени.

Но, может быть, самой эффектной частью экспозиции стала величественная живописная панорама «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом» — холст длиной по окружности в сто двадцать и высотой в шестнадцать метров, созданный нашими известными мастерами студии М. Б. Грекова — художниками Н. Я. Бутом, В. К. Дмитриевским, П. И. Жигимонтом, П. Т. Мальцевым, Г. И. Марченко, М. И. Самсоновым и Ф. П. Усыпенко.

Первые натурные съемки были сделаны авторами еще в 1959 году. В это время на Мамаевом кургане был построен небольшой деревянный дом, из которого знаменитая высота 102,0 просматривалась на все четыре стороны. В домике поселилась бригада художников-грековцев. Здесь они с достоверной точностью написали круговой пейзаж величайшего сражения.

Творческому воображению художников помогали тысячи писем и рассказов очевидцев былых боев, участников Сталинградской битвы. У каждого художника накопилось множество зарисовок, эскизов, набросков.

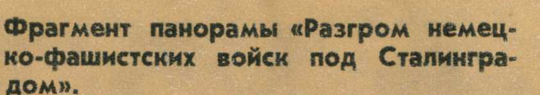
Панорама была торжественно открыта летом 1982 года, и с тех пор ее посетили более полутора миллионов человек.

Плывут по Волге белоснежные лайнеры. Десятки тысяч туристов проводят летний отдых на борту этих плавучих здравниц. Многие из них путешествуют по Волге не впервые. Но можно ли усидеть в каюте, когда с теплохода откроется вид на город-герой Волгоград?

Медленно проплывают заводские цехи, зеленые микрорайоны, известный всему миру мемориал Мамаева кургана с гигантской скульптурой Родины-матери...

А. ИВАНКИН,
директор музея-панорамы «Сталинградская битва»

●

Фрагмент панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Мамаев курган.

Фото И. ГАВРИЛОВА

Ни шагу
насмерть!

ПАМЯТНЫЕ ПОЛЕТЫ

Алексей ГОЛИКОВ

А. И. Семенков. 1944 год.

С заслуженным пилотом СССР генерал-лейтенантом авиации в отставке Алексеем Ивановичем Семенковым меня свела война в мае сорок второго года на фронтовом аэродроме Хвойная. Тогда части войск Волховского фронта попали в окружение, и группа транспортных самолетов старшего лейтенанта Семенкова, как и наши экипажи дальней авиации, доставляла окруженцам продовольствие и боеприпасы.

До июня сорок первого Алексей Иванович, тогда молодой пилот Аэрофлота, на транспортном самолете возил пассажиров и грузы. Потом на этом же самолете стал выполнять боевые задания. После войны снова возил пассажиров и грузы, открывал новые международные авиалинии, выполнял особо важные полеты с руководителями Советского государства, руководителями иностранных государств, был старшим экипажа в сенсационном перелете на первом советском реактивном пассажирском лайнере ТУ-104 через Атлантику в Нью-Йорк. Он провел в воздухе тысячи часов, был первым заместителем министра гражданской авиации, прослужил в Аэрофлоте более сорока лет.

Алексей Иванович достает из письменного стола объемистую красную папку. В папке хранятся его летные книжки тех огненных лет, копии боевых характеристик, боевых донесений, наградных листов...

Строки документов по-военному кратки: «...В период полной блокады Ленинграда, когда еще не действовала «Дорога жизни» и единственная связь с осажденным городом осуществлялась только по воздуху, старший лейтенант Семенков А. И. более 120 раз, ежедневно водил в Ленинград строем эскадрилья самолетов ЛИ-2, нагруженных продовольствием. Обратными рейсами вывозил больных, раненых, женщин, детей... Полеты выполнял и в сложных погодных условиях и при активном противодействии истребителей противника».

Каждый полет продолжался сто минут, но каких!.. Это были сто минут мужества.

— А когда вы сделали свой последний боевой вылет?

— 8 мая 1945 года... Из Москвы в Берлин. Взлетел ясным солнечным утром с Центрального аэродрома. На борту ответственные работники Наркомата иностранных дел. Маршрут проходил над Белоруссией, Польшей. Наши войска уже овладели Берлином, советские знамена развевались над рейхстагом, Бранденбургскими воротами. Но гитлеровцы еще сопротивлялись, война продолжалась. Над аэродромом в районе Познани я сделал круг, дождались истребителей прикрытия. Девятка их поднялась в воздух и сопровождала меня до столицы Германии.

Но на пути мы не встретили ни зенитного огня, ни «мессершмиттов». Давно уже я не летал так спокойно. И вот под крылом бесконечные каменные руины с кое-где одиноко торчащими стенами, стелющийся над ними дым пожарищ, гранитная глыба рейхстага и на его пробитом снарядами куполе, видное даже с воздуха, красное полотнище. Таким я запомнил поверженный Берлин в памятный день 8 мая...

Скоро на аэродром Темпельхоф, куда мы сели, стали приземляться и самолеты с опознавательными знаками США, Великобритании, Франции. Для встречи каждого из них выстраивался почетный караул, гремел духовой оркестр. Приветствовали прибывающих генерал армии Соколовский и первый комендант Берлина генерал-полковник Берзарин.

Самолеты союзников отруливали на стоянку. Нашими соседями оказались американцы. Они всем экипажем двинулись к нашему самолету, а сами смеются, машут руками. Ну и мы двинулись им навстречу. Начались крепкие рукопожатия, похлопывания по плечу, возгласы «О'кей!». Они угощали нас сигаретами, мы их — папиросами «Беломор». Один американец хорошо говорил по-русски. Он сказал, что их экипаж участвовал в челночных полетах из Италии с посадкой в Полтаве, что русские их принимали по-братски. Он заметил на плоскостях нашего ЛИ-2 залатанные пробоины от пуль и осколков. Показал их своим товарищам. Все уважительно говорили: «Настоящий фронтовой самолет!»

Оказалось, что американские летчики тоже получили приказ оставаться в своем самолете, и мы попрощались. Пожелали друг другу счастливых полетов и чтобы они больше никогда не становились боевыми вылетами.

— А вы знали о предстоящем историческом событии?— спрашиваю я у Алексея Ивановича.

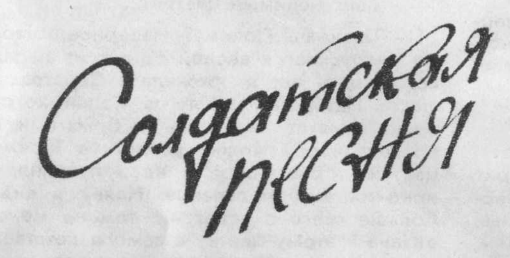
— Начальство нам на это даже не намекнуло,— отвечает он.— Но все происходящее заставляло догадываться. Да и солдатская почта работала. К самолету-то подходил кое-кто из аэродромной команды. Говорили, что наши солдаты всю ночь перетаскивали мебель из разрушенной имперской канцелярии в восточную часть Берлина Карлхорст, где раньше размещалось военно-инженерное училище. Расчищали завалы на улицах, по которым поедут представители союзников.

Стемнело. Мы легли отдыхать на свои обычные военные постели — чехлы от моторов, разостланные по полу фюзеляжа. Спали плохо: от развалин Берлина тянуло гарью, трупным запахом. Вдруг глубокой ночью началась беспорядочная стрельба. Выскочили из самолета, видим, в черном небе плывут осветительные ракеты и стрельба не утихает. Ну, думаю, произошло что-то очень важное. Тут подъезжает легковой автомобиль, из него выскакивает полковник и кричит: «Победа! Конец войне! Поздравляю!» Мы крикнули «Ура!» и дали залп из пистолетов.

Полковник приказал мне взять на борт двух пассажиров, с ними все документы о безоговорочной капитуляции Германии, а также материалы для московских газет. Взлетать немедленно! В Москве вас с нетерпением ждут.

Это был мой первый мирный полет после войны. Взлетал, как уже отвык, с ярко горящими, включенными фарами и без прикрытия истребителей. Летел на восток, и прямо по курсу занималась заря долгожданного мирного Дня Победы.

А потом по радио услышали позывные Москвы и Левитан зачитал приказ Верховного Главнокомандующего. В нем говорилось, что 8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции. Далее следовали слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена».

Владимир РУДИМ

Плещут волны. Слева кромка леса,
И дубы над берегом крутым.
А у нас — горящее железо,
Надолбы, руины, горький дым...

Здесь в огне рождалась наша слава.
Шел ноябрь. Туман по Волге плыл.
Это был не просто берег правый —
Сталинградским этот берег был!

В блиндаже из двутавровых балок
Над коптилкой-гильзою огонь.
В первый раз за осень зазвучала
В этот вечер у солдат гармонь.

По ладам боец провел рукою
И мехами грудь опоясал —
И блиндаж наполнился такою
Песней, что еще я не слыхал.

Разлилась — как Волга необъятна,
Как любовь к Отчизне, горяча,
И сурова, и проста, как пятна
Крови на снегу у Калача...

С песней мы, уставшие, как черти,
Под огнем рвались в кромешный ад
И ползли в снегах навстречу смерти,
И читали письма от девчат.

И в мелодии была такая сила,
И такая теплота была,
Что она, как стяг, солдат водила
На Дону, под Оршей, у Орла...

К ней поэты слов не написали,
Но плыли в мелодии самой
Волги синь, барабинские дали,
Звон курантов над ночной Москвой...

Говорили, что пушкарь усатый,
Вологодец или сибиряк,
Сочинил ее под Сталинградом
В дни октябрьских вражеских атак.

Макет разрушенного Сталинграда * Волгоград сегодня.

В «Огоньке» № 4 за 1986 год были опубликованы очерк о доярке из села Молоково, что в Ленинском районе Московской области, Наташе Смирновой и ее фотография (снимок слева). Наташа получила много писем. Наш корреспондент З. КРЯКВИНА встретилась с ней и попросила поделиться впечатлениями от полученной почты.

Фото И. ТУНКЕЛЯ

В Молоково я приехала в середине дня. День был по-весеннему теплый, до отказа заполненный туманом такой густоты, что дома, деревья едва-едва проступали из белых облаков. Наташа ждала меня в правлении колхоза. С порога пригласила в гости, а когда мы вышли на улицу, свернула в сторону от общежития, где она недавно еще жила, и, смущаясь, сказала: «А я замуж вышла. И фамилия моя теперь Трепалина. Ничего, что я не сказала об этом по телефону?»

И вот мы сидим с Наташей в ее новом просторном доме. В комнате светло, уютно и весело от обоев в цветочек. На столе горячий чай и горка писем. Наташа их уже все прочла. По некоторым адресам и ответы ушли. Но писем так много, что даже при желании всем не ответить. Спрашиваю Наташу, какие письма ей показались наиболее интересными. Она останавливает свой выбор на трех. Первое — от двадцатипятилетнего дояра из Молдавии Ивана Припа. Наташа зачитывает мне строчки из его письма: «...Сначала работал шофером, но не устраивала зарплата, очень хотелось мне иметь «Жигули», перешел на ферму, стал работать с отцом. Через три года мечту свою осуществил, но, сказать по правде, так привязался к коровам, что другого дела для себя и не мыслю». Иван приложил вырезку из газеты со снимком — он среди своих любимиц. И подпись под снимком: на последнем республиканском смотре мастеров машинного доения молодой дояр из села Лядовены занял второе место.

Второе письмо из Саратовской области, от земляка Наташи Сергея Аканаева. Он тоже дояр, и его тревожит, что молодежь не идет на ферму. «В бригаде у нас все женщины, некоторым до пенсии недалеко, а замены нет и не предвидится,— пишет Сергей.— Коров у нас 350, доярок десять, плохо, что нет молокопровода, таскаем молоко в ведрах, трудновато. Мне сумела привить любовь к труду, сельскому хозяйству мама — Зинаида Федоровна. Она у меня работает по сей день дояркой, вот уже двадцать шестой год. Не понимаю я тех, кто правдами и неправдами стремится в город, оставляет село. Жизнь здесь сегодня зримо изменилась. Добротные дома, все, что нужно, в магазинах есть. В этом году заканчивают у нас строительство Дома культуры «Радость». От Саратова до нашего села Славянка всего 35 километров. И все-таки молодежь не задерживается...»

Есть среди писем и такие, авторы которых интересуются духовной жизнью Наташи, кругом ее увлечений. Из них Наташа выбрала письмо Сергея Кондратьева — водителя передвижной механизированной колонны № 127 из города Заводоуковска Тюменской области. С его вопросов мы и начали беседу.

— Как вы понимаете слово друг?

— Друг — это прежде всего единомышленник. Человек, на которого можно положиться, которому порой доверяешь больше, чем себе.

— Что вы хотите видеть в ваших ближайших друзьях, какие качества, увлечения?

— Ценю в людях прежде всего прямоту. Пусть и хорошее, и плохое человек говорит в глаза. А когда начинает юлить, быть неискренним, это уже не друг, это так, пустячный человек. Что до увлечений, то тянусь к людям, любящим природу. Такова Вера. Идем мы с ней рано утром, зима, метет, кажется, ни до чего дела нет, лишь бы поскорее только до тепла добраться, Вера остановится и говорит мне: «Ох, какие деревья красивые, ни дать ни взять, в серебре стоят». Забудем о времени, стоим, смотрим на убранство матушки-зимы.

Потом коровы, кому-то, может быть, покажется смешным, что коровы могут увлечь. Ну, лошадь, мол, свой характер, норов имеет, а корова — что она такое? Из собственного опыта знаю, что она очень умна и хитра. И ничего удивительного: хозяйку за версту узнает, жалуется на своем языке, что не так. До чего интересно наблюдать за коровами во время дойки! Каждая по-своему молоко отдает и к доярке относится тоже по-своему: одну лизнет в знак уважения, у другой косынку съест.

Моя подруга Вера любит, как и я, книги, правда, времени у нас для чтения остается маловато, но для хороших книг находим, и хоть маленькая, но библиотечка уже есть у каждой.

Николай, муж мой, часами может копаться в машине. А я вот техникой не увлекаюсь, но ему не мешаю — каждому свое.

— Способны ли вы поступать вопреки мнению подруг, даже если принятое вами решение вызовет их осуждение?

— Самые близкие мои подруги — это Вера и Света, с которыми я работаю. Так повелось в нашем звене: советуемся во всем, и когда планы принимаем, и когда обязательства берем, между собой делимся, как это у нас пойдет, что надо сделать, чтобы все получилось. Если очень нужно что-то изменить, пытаюсь убедить девочек, никогда не ставлю их перед фактом. Это, по-моему, не по-дружески. Мы работаем втроем. Я звеньевая. Но это чистая формальность, с коровами работаем одинаково. Знаю, без девчонок я пустое место, а вместе мы сила. И если бы вдруг случилось так, что вместо них пришли бы другие, я, наверное, не смогла бы так хорошо работать.

— Любите ли вы детей, есть ли у вас братишки и сестренки, как вы к ним относитесь?

— Конечно, люблю. Среди детей сама становишься ребенком, в их кругу я как-то забываю, что мне уже за двадцать. Когда малыши дарят нам свое видение мира, в котором пока не существует никаких проблем и забот, очень хочется вернуться в детство. При общении с ребятишками мне обычно становится грустно оттого, что я уже повзрослела.

Есть у меня братишка Славик, ему одиннадцать лет. Живет он с мамой и папой в деревне, в Салтыковке, где я родилась, выросла. Когда о нем вспоминаю, обидно до слез, что он так далеко и я не могу с ним общаться. Разве что по почте. Получать его письма очень приятно. Вроде те же новости сообщает, что и мама, а читаются и воспринимаются они совсем по-другому. И заботы свои о разных тузиках, пушках...

Дети не могут надоесть. Никогда не знаешь, что они придумают в следующую минуту. Моего двоюродного братика тоже зовут Славик. Ему всего год два месяца было, когда дядя с тетей оставили его на мое попечение, а сами ушли в гости. Вроде дело нехитрое посидеть с малышом, знаю, как с ним обращаться. А Славка ходит и ревет, «тря» просит: подавай «тря»—и все тут, а я не знаю, что это такое. Уж чего-чего я не предлагала ему, измучилась вконец, пока мать не пришла и не объяснила, что «тря» — это соска.

— Ваш любимый цветок?

— Тюльпан. Почему? Наверное, оттого, что он распускается весной одним из первых. Восемнадцать лет я прожила в Саратовской области. Нет у нас там лугов, полян, которые по весне вспыхивали бы алыми брызгами, как это по телевизору можно увидеть в Туркмении — цветущая без конца и края пустыня, тысячи ярко-красных тюльпанов. Наяву я видела их больше всего в садах, но тем не менее привязана к этому цветку с самого детства. Смотришь, как он поутру раскрывает от солнца

ДАВАЙ ПОГ

свои лепестки, и в душе праздник. До чего красиво! Понюхаешь цветок, и нос потом от пыльцы коричневый. Мне всегда дарила тюльпаны мама к последнему звонку. Как я радовалась этому подарку, только вот почему-то в голову никогда не приходило спросить, откуда она их приносила...

— Если незнакомый вам человек попал в беду, как вы к этому отнесетесь?

— В беду может попасть любой из нас. Прежде всего надо поставить себя на место человека, с кем приключилось горе, и совесть подскажет, как поступить.

— Что вы думаете о таких понятиях, как мода, молодежь, красота?

— Сразу столько вопросов... Постараюсь ответить по порядку. Мода — это такое непостоянство, что угнаться за ней практически невозможно, да, по-моему, и не стоит. На мой взгляд, не всегда все красиво, что модно. Я считаю, что нужно подбирать вещь по своему вкусу, характеру.

Современная молодежь. Что я могу сказать об этом? Сегодняшние подростки 15—17 лет отличаются от тех девчонок и мальчишек, какими мы были в ту пору. Знаю, что со мной могут не согласиться, но я выражаю лишь свое мнение. Мне кажется, что в свое время в нашей сельской школе мы не рвались особо к модным вещам — джинсам, пластинкам. Мы предпочитали смотреть на все это со стороны. И большинство из нас не просили родителей, чтобы нам это купили. А сейчас приходится, к сожалению, сталкиваться с тем, что число мальчишек и девчонок, которые стремятся во что бы то ни стало получить от родителей модную куртку или кроссовки, растет. При этом мало кто из них задумывается над тем, откуда берутся деньги на покупку дефицитных вещей. И, как правило, эта часть молодежи беднее духовно, интересы сводятся к посещению дискотек, к праздной жизни. Смешно смотреть, когда некоторые восьмиклассницы теперь уже в нашем Молокове украшают себя косметикой, под одинаковыми прическами и экстравагантной одеждой хоронят свою индивидуальность.

А молодежь постарше чаще всего стремится в город, тем более что у нас Москва рядом. Мне кажется, одно слово «ферма» на некоторых наводит ужас, хотя они здесь родились и выросли. Окончив школу, предпочитают работать кем угодно, лишь бы уехать из Молокова. Ведь если оставаться в селе, надо работать в колхозе, работать на земле, а труд этот нелегок: порой не укладывается в дневные часы, в посевную и уборочную — не до выходных! Обидно, что не все парни и девчата хорошо понимают, что основа многих наших благ — село. У истоков даже самых больших свершений стоит земля, все выращенное на ней.

Что сказать о красоте? Есть хорошая пословица: с лица воды не пить. Человек, привлекательный внешне,— это, конечно, хорошо, на красивых людей приятно смотреть, но не всегда приятно с ними общаться. Некоторые гордятся красотой, возвышают себя, а я придерживаюсь маминого мнения: красивого всяк полюбит, а ты сумей некрасивого разглядеть да полюбить.

— Как, на ваш взгляд, нужно подходить к выбору профессии, искать свое место в жизни?

— Профессия — это жизненный путь, который мы себе выбираем. И выбрать надо так, чтобы потом не сожалеть. У меня было много увлечений, кем я только не хотела быть: в шестом классе — актрисой, в седьмом — кондитером, в восьмом — милиционером. После десятого решила стать учителем русского языка и литературы. Литература была моим любимым предметом, за что я благодарна Тамаре Михайловне Висковой. Она была прекрасна как учитель и как человек. Со светлой грустью вспоминаю о нашем общении. Жалею, что это время ушло. Каждый урок Тамары Михайловны был откровением, праздником. Умела она раскрыть перед нами просто самое сложное.

Наташа Трепалина (Смирнова) на колхозной ферме.

Я поступала в Балашовский пединститут. Сдала профилирующие дисциплины, а на третьем экзамене, по истории, взяла билет и не захотела отвечать. Билет был очень легкий, преподаватели удивились, даже предложили взять второй, но я отказалась и ушла. До сего дня не могу понять до конца, почему ушла. Объяснить это трудно, но в тот момент я вдруг поняла, что педагогика не мое призвание. Потом окончила Мичуринское училище, стала цветоводом-декоратором, приехала в Молоково и связала свою жизнь с молоком. А как это вышло, в «Огоньке» уже рассказывалось.

У меня сейчас любимая работа. И я уже не представляю себя без коровушек, как это я — и вдруг без своих пестреньких, нельзя мне без них, видно, любовь к крестьянскому труду у меня в крови. Слышу, как иногда говорят: в доярки пошла, мол, зарплата большая там. Дело вовсе не в этом, даже не в успехе, самое-самое, что, по-моему, всем движет—чтобы работа была в радость. Хоть и тяжеловато доить, и руки побаливают, но прихожу на ферму, вижу, что скот ухожен, накормлен и доволен, и легко становится, и усталости не чувствуешь.

— Что, по вашему мнению, определяет взаимоотношения в семье?

— Идет второй месяц, как я замужем. Появились другие заботы: дом, хозяйство. Чтобы в семье был мир, надо стремиться к взаимопониманию, уступать друг другу — этому учила меня мать. Я хорошо усвоила этот урок. У каждого из нас — и у меня, и у Николая — должна быть своя личная жизнь, свои интересы. Я люблю детей, книги, а Николай без железок жить не может. Ну и пусть себе с друзьями обсуждают технические новинки, с машинами возятся. Он ведь механизатор, трактор для него то же, что для меня коровы, я это понимаю...

Очень ценю человечность. Совсем недавно я вошла в чужую семью. Свекровь Анна Васильевна приняла меня как родную дочь, кажется, будто всю жизнь с ней прожила. Человек она необыкновенный — столько доброты, заботы, ласки в ней, что хватает на всех. Собачонок, кошек ей жалко.

— Помните ли вы эпизод из детства, когда вам было особенно грустно?

— Помню. В детстве у нас кошка жила Соня, черная, с белым галстучком, очень умная и понятливая. Ее все любили и баловали. Както весной она отравилась, мы ее отпаивали молоком, лекарствами, но это не помогло. Я весь вечер ревела в подушку...

— Что вы больше любите — живое общение, книги или кино?

— Я не отказываюсь ни от чего. Люблю общаться со знающими людьми, которые умеют рассказывать, слушаешь, затаив дыхание, чуть ли не открыв рот, ловишь каждое слово. Интересно открывать, узнавать то, чего раньше не знал, о чем не имел представления.

Мир книг увлекателен по-своему. Увлекаюсь классикой и фантастикой. Фильмы предпочитаю исторические. Сейчас бы с удовольствием посмотрела «Ивана Грозного». Это сама старина. А еще сказки люблю — и читать, и слушать, и смотреть. Старинные одеяния, декорации волнуют меня, от Кощея Бессмертного дух захватывает...

ОВОРИМ, НАТАША!

НАШЕГО УМА ДЕЛО

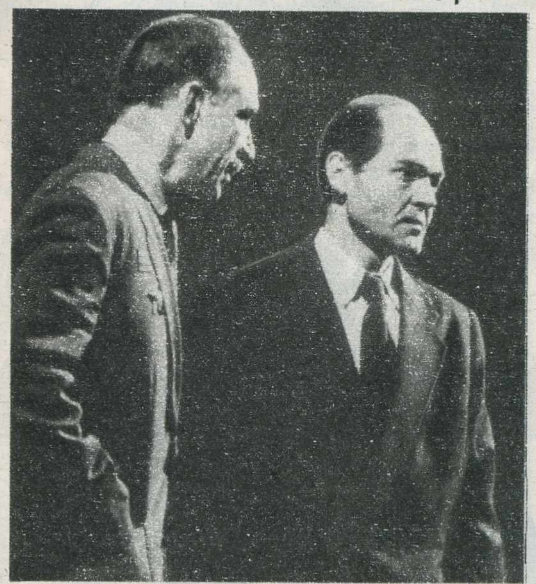
Спектакль «Говори...» А. Буравского, поставленный Валерием Фокиным в Московском театре имени Ермоловой, получился значительным, на этот счет не может быть, наверное, двух мнений, и все-таки его успех — это прежде всего успех пьесы. Ее автор точно почувствовал атмосферу времени, честно и откровенно сказав многое из того, о чем мы прежде, если уж начистоту, говорить не торопились.

В основу пьесы легли очерки В. Овечкина, в которых описываются районные будни пятидесятых годов. Фокин сохраняет в своем спектакле некоторые характерные приметы времени, но не скрывает от зрителей, что проблемы, о которых спектакль ведет речь, это проблемы сегодняшнего дня. Нашей жизни. Театр берет на себя всю рассудочную работу, не оставляя для зрителей ничего непроясненного. Он ведет разговор, который близок к публицистике. Вот бывшая жена бывшего первого секретаря райкома Мария Сергеевна Борзова методично и ровно, со спокойствием отчаявшегося человека, рассказывает обо всех безобразиях, творящихся в колхозе, где она теперь работает агрономом, а ее старый знакомый Петр Илларионович Мартынов, сменивший Борзова на посту руководителя района, сжав кулаки, чтобы сохранить самообладание и выдержку, будет снова и снова упрямо требовать: «Говори... говори...» А уже в самом финале доярка из того же колхоза по бумажке, написанной для разных торжественных случаев еще год или два назад, станет убеждать районную партийную конференцию, что дела в ее хозяйстве идут сказочно хорошо, а Мартынов вдруг не выдержит, резко прервет этот доклад-фикцию и скажет сам, скажет спокойно и твердо о большой беде, случившейся с людьми его района, которые разучились говорить то, о чем они на самом деле думают, разучились верить себе, своим глазам, своим же словам. Эти сцены передают в зал именно публицистические токи. Они звучат так неожиданно, что иначе восприниматься просто не могут. Театр ищет новую и просветляющую правду — она обнаруживает себя открыто и ясно.

Разговор идет настолько серьезный, что в такие минуты даже не суть важно, как эти сцены сыграны. Сказать новое слово в искусстве — это не всегда означает, наверное, совершить эстетическое открытие. Оно может носить и чисто гражданский характер. В истории театра встречаются подобные примеры. «Говори...» —из их числа.

Руденко — А. Пашутин, Мартынов — А. Жарков.

Фото М. Строкова

Есть пьесы, где любая сцена в равной мере важна, и есть пьесы, которые написаны лишь ради нескольких сцен. Пожалуй, «Говори...» — именно такая пьеса. И спектакль Фокина тоже, видимо, поставлен ради этих сцен.

В финале маленький мальчик подойдет прямо к трибуне и негромко, но так, что его услышит весь зал, скажет растерявшейся — да и как не растеряться?— доярке: «Ну что же ты, тетя... Говори!..»

Спектакль выстроен последовательно и строго; постановщик дает актерам ясные и четкие задания, что видно даже из характера мизансцен, и требует от них такого же ясного и четкого исполнения. Не всем это под силу. Видимо, здесь сказываются самые разные причины. Кто-то из актеров слишком буквально понял режиссера, кто-то, особенно исполнители небольших ролей, незаметно облегчил себе стоящие перед ним творческие задачи и отказался от детального психологического изучения своих персонажей, предпочитая использовать приемы сценического обобщения и типизации.

Валерий Фокин пришел в театр, где актерская труппа имела — в большинстве своем — вполне сложившиеся представления о принципах работы над спектаклем. Отступить от них не так-то просто. Актеры театра имени Ермоловой привыкли к определенной вольности на сцене. А Фокин — сторонник жесткой режиссуры и строгой концепции. Четкие формы его спектаклей свидетельствуют, что ему по душе театр скорее интеллектуальный, чем эмоциональный. Да и общий рисунок его постановок несет на себе печать сдержанности, внутренней сосредоточенности — Фокин никогда не был сторонником яркого, эмоционально-праздничного искусства. Может быть, именно поэтому Фокин не любит работать с пространством сцены. Он сосредоточивает свое внимание на людях, только на людях. В его спектаклях их мысли, манера поведения, чувства всегда приближены к сегодняшнему дню. Фокина прежде всего тянет к актерам, которые несут в себе дух времени. Поэтому он и пригласил в театр имени Ермоловой и занял в «Говори...» Татьяну Догилеву и Олега Меньшикова, молодых актеров, которые в последнее время обратили на себя внимание зрителя.

Меньшиков играет Сашу, помощника секретаря райкома. Играет легко и броско, демонстрируя хорошие профессиональные качества. Догилевой сложнее. Роль Марии Сергеевны Борзовой для нее непривычна, она требует большой человеческой зрелости и глубины. Догилева играет так, что ее трудно узнать. Здесь нет спасительных трафаретов, к которым часто прибегают актрисы в надежде как-то скрыть свою растерянность и внутреннюю пустоту. Догилевой трафареты не понадобились. Она чувствует себя уверенно и спокойно. Она осознает всю меру сценической ответственности, выпавшей на ее долю, и действительно отвечает за каждый свой шаг, за каждое слово. В игре Догилевой нет навязчивой женской чувствительности, хотя именно это подсказывали на первый взгляд сцены-объяснения с Борзовым, и нет мнимой «простонародности» в финале спектакля, когда действие перемещается в колхоз. Вкус молодой актрисе не изменяет.

А ведет спектакль, постоянно находясь в центре зрительского внимания, Алексей Жарков — Мартынов. Фокин и Жарков сделали все возможное, чтобы избежать фальшивого пафоса и ложного героизма. Более того, они дали понять, что как человек Мартынов не лишен противоречий. Он принадлежит к руководителям, прекрасно понимающим, что ситуация меняется постоянно, что единая линия поведения может обернуться своей обратной стороной, спровоцировать неразборчивость и новые ошибки. Но в главном, в самом главном Мартынов все-таки принципиален и неизменно честен. Театр подчеркивает: именно эти качества сегодня особенно важны.

Наша страна — это наш дом, и все, что происходит в стране,— нашего ума дело. Нельзя об этом забывать. И говорить открыто, честно, громко. «Говори! Говори!» — призывает спектакль.

Еще и еще раз прислушаемся к этим словам.

А. КАРАУЛОВ

Лариса ФОМЕНКО

Первы

Народный артист Грузинской ССР Паата Бурчуладзе.

Фото А. Награльяна

Мы встретились в Тбилиси дождливым октябрьским вечером, на второй день после возвращения Бурчуладзе с гастролей из Лондона, где на этот раз он с огромным успехом солировал в «Реквиеме» Верди, выступал с концертами и участвовал в записи оперы Верди «Сила судьбы».

Плотный, коренастый, будто вырубленный природой из крепчайшего кавказского тиса, Паата выглядел борцом или боксером и не вписывался в уютный интерьер своего дома. Наверное, это объяснялось еще и тем, что я привыкла видеть Бурчуладзе только на сцене и телевизионном экране. Но вот Паата заботливо усадил меня в кресло, шуткой помог преодолеть первые секунды замешательства, и мне сразу стало понятно, насколько этот удивительный актер всем своим существом принадлежит традиционному тбилисскому дому.

Чувство собственного достоинства и трогательная сентиментальность, восторженное гостеприимство и безупречный такт, рыцарский пафос и тонкий юмор — вот что вынес из этого дома Паата Бурчуладзе, получивший широкое признание соотечественников, а за рубежом успевший за последние два года превратиться в экзотическую легенду.

Упрямый тяжеловатый подбородок выдает волевой характер, а блестящие чуть выпуклые черные глаза то живо обращены к собеседнику, то немигающе, отрешенно глядят внутрь себя.

«Конечно, оперному артисту нужно многое: вокальные и актерские данные, школа, мастерство, опыт, но самое главное — это работа над образом,— сказал Бурчуладзе.— К сожалению, часть публики слишком поощряет в оперных певцах демонстрацию бельканто, вокальной техники, умения эффектно взять высокую ноту! Скольких певцов испортил зал, слушающий

й Бурчуладзе

только голос! Певец, подобно драматическому актеру, должен в первую очередь продумать жизненную и художественную сущность создаваемого им образа, возможно, открыть в нем новые, еще никем не подмеченные черты. Это-то и называется правдой и бескомпромиссностью в искусстве. Это и есть творчество, непременно требующее интеллекта».

Шел серьезный разговор об искусстве, требующем от художника большого напряжения духовных и физических сил, но не создавалось впечатления, что певец драматизирует свою творческую судьбу или пытается переложить хотя бы частично на плечи окружающих свои проблемы. Не было ощущения, что семья и друзья, заполнившие дом Бурчуладзе во время трехдневного перерыва в его гастролях, затаили дыхание и живут только его интересами. По комнатам носились дети, которые в грузинском доме, сколько бы ни шалили, никогда никому не мешают. Сын Пааты, одиннадцатилетний Шукри, высокий, худенький мальчик, впервые меня увидев, доверчиво поцеловал в щеку. Младшая из племянниц Пааты, крошечная Лана, кряхтя, взобралась к нему на колени. Отец, Шалва Бурчуладзе, такой же крепкий и коренастый, как его сын, подошел ко мне перед тем, как сесть играть с друзьями в нарды, и заговорил притворно-обиженным тоном: «Может, хоть вы мне объясните, почему, когда мой сын что-то натворит, все твердят, будто он в папу, а когда что-нибудь сотворит, утверждают, что он в маму». Несколько дней спустя, любуясь грандиозной панорамой Ингурской ГЭС, я увидела, что «натворил» старший Бурчуладзе, разработав со своими коллегами состав бетона для гигантской плотины...

Устроившись у телевизора, мы слушали в видеозаписи «Ломбардцы в первом крестовом походе» Верди в постановке «Ла Скала», где Паате предстоить петь. Вскоре он к нам присоединился, беззаботный, казалось, целиком настроившийся на отдых. Бойко спев несколько музыкальных фраз, с мальчишеским озорством окликнул кого-то в соседней комнате, чтобы тут же извиниться «за громкий голос». Однако очень скоро певец сосредоточился на опере. Эмоционально, но без малейшего раздражения Паата комментировал какие-то огрехи в постановке и восхищался ее достоинствами по-детски восторженно и профессионально строго.

Голос Пааты зазвучал в тот вечер в полную силу, когда мы слушали его первую пластинку, выпущенную в 1985 году, правда, почему-то не у нас, а в Англии. На пластинке — фрагменты из «Бориса Годунова» Мусоргского и опер Верди «Дон Карлос», «Макбет», «Симон Бокканегра» и «Эрнани», записанные с английским национальным хором и оркестром.

Чем ярче индивидуальность артиста, тем меньше он думает о личном приоритете, заботясь о гармонии произведения в целом.

«Вот здесь,— отметил Паата,— нужно спеть так, чтобы голос не сразу стал солировать, а постепенно и плавно отделялся от оркестра. Кстати, послушайте, как божественно звучит оркестр!»

Оценивая исполнение «Реквиема» Верди в Лондоне в нынешнем сезоне, английский критик отмечал, что чем больше Бурчуладзе сужал диапазон своего голоса, стремясь не заглушить других солистов, тем больше он доминировал. В последние годы голос певца вообще доминирует среди множества одаренных солистов в оперном репертуаре: «Борис Годунов», «Аида», «Севильский цирюльник», «Дон Жуан», «Евгений Онегин»...

Не менее серьезен камерный репертуар певца, в том числе знаменитый цикл «Песни и пляски смерти» Мусоргского, где отчетливо проявляется не только драматический, но и характерный темперамент актера.

Как отмечают специалисты, к тридцати пяти годам Паата споет весь репертуар, составляющий золотой фонд оперного искусства. Что же дальше? Он ответил на этот вопрос просто и ясно: буду стараться петь те же партии, но по-новому — лучше, красивей. В ближайшие три года его ждут Москва, Ленинград, Красноярск, Поволжье, Украина, Прага, Париж, Вена, Лондон, Мюнхен, Милан, Нью-Йорк и не помню, какие еще города. Начиная с 1981 года, когда молодой Паата получил вторую премию на конкурсе «Вердиевские голоса» в Буссето, о Бурчуладзе заговорили как о певце с большим будущим. На VII Международном конкурсе имени Чайковского в Москве в 1982 году Паата получает первую премию и золотую медаль. Оценивая выступления Бурчуладзе на конкурсе, народная артистка СССР Ирина Архипова назвала Паату «абсолютным победителем, ровно выступившим на всех этапах конкурса... Его могучий голос, крупные звуковые мазки говорили об опыте работы на оперной сцене».

Хотя талант при всей его очевидности всегда тайна, он все же великодушно позволяет хотя бы частично разгадывать себя. Как случилось, что в семье, где отец — инженер-строитель, а мать — преподаватель английского языка, сын так быстро достиг вершин мирового музыкального искусства?

...Новорожденный был крупным ребенком. Едва появившись на свет, он закричал густым басом, опровергая утверждение знатоков, что грудные дети все, без исключения, тянут ноту «ля» первой октавы.

Врач, обращаясь к счастливой матери, воскликнул: «Шаляпин родился!» Разглядывая голосистого малыша, он и не подозревал, что ровно тридцать лет спустя его подопечного с авторитетной серьезностью назовет вторым Шаляпиным крупнейший в мире дирижер и постановщик опер Герберт фон Караян... А пока мальчика назвали древним грузинским именем, и шутка доктора была надолго забыта всеми, кроме матери.

Не честолюбие, а любовь к музыке и интуиция заставили Нуну Бурчуладзе трепетно прислушиваться к голосу маленького сына. По утверждению близких, ребенок начал петь раньше, чем говорить. Мальчик любил петь, но музыкой занимался без охоты. Окончив музыкальную десятилетку по классу фортепиано и вокала, Паата не захотел стать певцом, предпочитая потомственную профессию инженера-строителя. Почему? Музыкальное дарование уживалось со способностями к точным наукам, а ведь юноша еще увлекался плаванием, регби и баскетболом, даже входил в молодежные сборные Грузии по этим видам спорта. Поступив в политехнический институт, он по воле родителей одновременно начал занятия в Тбилисской консерватории. И здесь с помощью замечательного педагога, заслуженного артиста Грузинской ССР Дизи Хелашвили пришло чувство призвания.

В 1978 году, окончив консерваторию и политехнический институт, Паата после отборочного конкурса был отправлен на стажировку в «Ла Скала», где три года занимался под руководством прославленной певицы Джульетты Симионато.

Вернувшись на родину, Бурчуладзе стал солистом Тбилисского театра оперы и балета, начал преподавать в консерватории, продолжая учиться. Его негласные наставники, консультанты и близкие друзья — солист Одесского театра оперы и балета Евгений Иванов и его жена Людмила Иванова, преподаватель Одесской консерватории и концертмейстер, кстати, сопровождавшая выступление Бурчуладзе на конкурсе имени Чайковского и удостоенная там звания лучшего аккомпаниатора...

Паата молод, но сегодня говорить о нем все еще как о молодом певце с большим будущим уже неправомерно. Бурчуладзе не только певец и актер со сложившейся индивидуальностью, это феноменальное явление в музыкальном искусстве. Его дерзкие контрастные переходы от мощных фортиссимо, волнующих в каждом регистре, до «медовых» пианиссимо озадачивают специалистов, которые отмечают пластичность, превосходное легато, удивительную звучность и полетность голоса, широту диапазона, которую певец раскрывает постепенно, как бы развертывая, в плавной, гибкой манере.

Так нужно ли соглашаться с грузинским врачом и австрийским дирижером, назвавшими Паату вторым Шаляпиным? «Таймс» смело оспаривает это заявление. Англичане считают, что Паата — первый Бурчуладзе. Что говорить, нет более лестного сравнения, чем с великим Шаляпиным. И все же, думаю, Караян, назвав Паату вторым Шаляпиным, признал, что в мировом оперном искусстве появилась фигура столь же значительная... «Первый Бурчуладзе» добился блестящих успехов, но вершина, на которую он поднимается, еще в облаках.

Лепорелло («Дон Жуан»).

Борис Годунов.

В. Н. Татищев. Прижизненная гравюра. 1720-е годы.

раженского в Москве Василий Татищев блестяще сдал экзамен самому генерал-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву и в числе других новичков вместе со старшим братом Иваном был зачислен в рядовые драгунского полка. После краткого обучения в июне полк пришел под стены Нарвы. Во время похода Татищев ведет научные наблюдения «огненного змия» — кометы, повиснувшей в небе над головами всадников, и, поскольку она равно видна под Москвой и под Нарвою, делает вывод о том, что небесное тело проходит на большой высоте. Осада и победоносный штурм Нарвы были боевым крещением Татищева. В июле следующего года он участвует в конной атаке русских драгун против шведской конницы Левенгаупта. В этом сражении при Мур-мызе в Курляндии Татищев был тяжело ранен, за геройство произведен в чин поручика. Во время долгого излечения в госпитале Смоленска с жадностью изучает книги, обнаруженные в монастырской библиотеке. Потом была в его жизни Полтава, «великая российская виктория иуния 27 дня». И вновь Татищев в самой гуще сражения, рядом с ринувшимся в атаку Петром I. В тот час и был ранен Василий Никитич подле царя, и Петр, подъехав, поцеловал его в лоб, поздравляя раненым за Отечество. В 1710 году Татищев, оправившись от ран, едет в Белоруссию, в город Пинск, набирать пополнение, строит на реке Бобрике небольшую флотилию и с командою новобранцев в 300 человек плывет по Припяти и Днепру до Киева, а оттуда Азовский драгунский полк выступает в Азов и в Прутский поход.

Татищев — выдающийся историк. Удивительно то, что он получил только домашнее образование, но настолько обстоятельное, что не было нужды учиться в школе математических и навигационных наук в Москве. Он учился потом всю жизнь, изумляя даже современников энциклопедичностью своих знаний. Им написана пятитомная «История Российская с самых древнейших времен», первое сочинение такого рода в науке. Признанный родоначальник русской исторической науки, В. Н. Татищев своим грандиозным трудом предвосхитил работы Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева. Впервые им дана периодизация развития отечественной истории вплоть до 1577 года.

В татищевском труде явились перед читателем яркие, зримые образы русской истории с

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА

РЫЦАРЬ

Обращусь ли к истории отечественной? Что скажу я после Татищева?

А. С. Пушкин

Георгий БЛЮМИН

19 апреля 1886 года в Петербургской Академии наук состоялось торжественное собрание в память двухсотлетней годовщины со дня рождения Василия Никитича Татищева. «Мы, русские, часто забываем места, где покоится прах наших великих предков,— сказал на нем историк-академик К. Н. Бестужев-Рюмин.— В самом деле, кто помнит сейчас затерянный в лесах Подмосковья погост Рождествено, где был погребен Татищев...» В тот же день сто лет назад на юбилейном заседании в Казанском университете историк Д. А. Корсаков, знаток восемнадцатого века, так отозвался в своей речи о Татищеве: «Наряду с Петром Великим и Ломоносовым, он являлся в числе первоначальных зодчих русской науки... Татищев по своему обширному уму и многосторонней деятельности смело может быть поставлен рядом с Петром Великим».

«Почти революционный призыв» находил в сочинениях Татищева Г. В. Плеханов и писал о нем: «...Татищев является как бы главою многочисленного рода просветителей, очень долго игравшего влиятельную и плодотворную роль в нашей литературе». И называет вслед за В. Н. Татищевым имена Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В ставшее уже далеким время, в первую половину восемнадцатого века смело высказывает Татищев свои мысли: «Благоразумный человек и в убожестве довольнее, нежели глупый в богатстве и в чести», «Я же рад и крестьян иметь умных и учёных». И мы уже забыли о том, что вошедшие в пословицы нашего времени крылатые выражения «Человеку нужно век жить, век и учиться» и «Человеку ученье свет, а неученье тьма есть»,— эти выражения принадлежат Татищеву.

«Птенец гнезда Петрова», современник и деятельный участник эпохи петровских преобразований, Василий Никитич начал службу простым солдатом, как того требовал указ Петра, а закончил ее генералом. В январе 1704 года на Генеральном дворе села Преоб-

древнейших времен до середины XVI века. Впервые в основу исторических изысканий были положены им тексты летописей. Татищев делает множество открытий: он устанавливает, что год в древней Руси начинался в марте, раскрывает тайну смерти Ивана Грозного... При всей образности первой «Истории» она остается подлинно научным трудом, краеугольным камнем отечественной историографии.

Вдохновенное посвящение к «Истории» Татищева написал М. В. Ломоносов. Но ни Татищев, ни Ломоносов в печати его не увидели. Работа над «Историей» велась ученым на протяжении многих лет, но главный труд был выполнен в Болдинское пятилетие 1746—1750 годов. Тогда же задумана была им история царствования Петра I.

Татищев открыл для науки многие богатейшие летописные источники, а также такие замечательные памятники, как Русская Правда, Судебник 1550 года, Книга Большого Чертежа. С. М. Соловьев писал: «Заслуга Татищева, что он начал дело, как следовало начать: собрал материалы, подверг их критике, свел летописные известия, снабдил их примечаниями географическими, этнографическими и хронологическими, указал на многие важные вопросы, послужившие темами для поздней-

ших исследований, собрал известия древних и новых писателей о древнейшем состоянии страны, получившей после название России,— одним словом, указал путь и средства своим соотечественникам заниматься русской историей».

Он был литератором и лингвистом. С несомненным писательским даром написан, например, «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», где Татищев блестяще использует форму диалога для выражения своих идей. «...Что над всеми надзирание таким поручено было,— ратует он в «Разговоре»,— которые довольное искусство в науках, а наипаче ревностное радение о пользе отечества изъявить в состоянии». Таким был сам Татищев.

Его первый русский энциклопедический словарь широкого назначения и поныне не утратил своей ценности, это «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской». В «Лексиконе», доведенном ученым до буквы К, он стремится не только максимально подробно объяснить то или иное понятие, но и дать историческую справку о происхождении слова или названия. Вот, например, как толкуется слово Байкал: «...Вода солоновата, зеленая и весьма светла, но понеже во оном находятся тюлени и превеликое множество рыбы, для того называют морем. Байкал татарски оставайся богат или будучи в обилии, но другие толкуют, мнится, правильнее Бай куль — богатое озеро. Страленберг сказует, еже сие имя на мунгальском или тунгуском языке великое море или озеро, что ему в разсуждении других около онаго озер не бесприлично».

Обширны государственная и общественно-политическая деятельность Татищева. Как дипломат он вместе с Я. В. Брюсом ведет переговоры со Швецией по окончании Северной войны, участвует в Аландском конгрессе. Как горный инженер и металлург он находит и разрабатывает крупнейшие железорудные месторождения на Урале и основывает тут город Екатеринбург (нынешний Свердловск). Он управлял уральским краем и руководил Оренбургской экспедицией, поставил на научную основу монетное дело в России и возглавлял Калмыцкую комиссию. Рождением ему во многом обязаны и Пермь, и Оренбург, и Ставрополь на Волге. Кстати, последнему Татищев хотел дать имя «город Просвещение» и в нынешнем социалистическом городе Тольятти этот идеал Василия Никитича находит свое воплощение. А

ских книг с собственноручными автографами ученого. Книги собирал Татищев всю жизнь, а стоили они недешево: одна книга столько же, сколько лошадь или корова. Здесь фолианты по истории, математике и механике, вирши Овидия и сочинение по искусству врачевания.

Дважды приезжал Василий Татищев на Урал для руководства этим богатым краем — в 1720—1722 годах и двенадцать лет спустя. Он являл собой совершенно новый тип администратора. Испугать, обмануть или подкупить его было нельзя. Ученый развил на Урале кипучую деятельность, сообразуя свои действия лишь с указаниями Берг-коллегии в Петербурге.

На жизнь Василия Никитича Татищева пришлось шесть царствований, и, пожалуй, столько же раз постигала его опала. Властители не могли постичь ни благородства и бескорыстия служения Татищева России, ни широты его знаний, ни бесстрашия суждений и сопровождавшейся всегда успехом практической деятельности. Вел он скромную и подвижническую, почти аскетическую жизнь. Стремился использовать каждую свободную минуту, чтобы узнать что-то новое. В единственной опубликованной при жизни научной статье «Сказание о звере мамонте» досконально изучает таинственный вопрос о происхождении ископаемого животного: «1720 году по всемилостивейшему указу его величества блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого императора всероссийского послан я был в Сибирь для взыскания рудных мест, размножения промыслов и устроения заводов, при котором по улучению свободного времени тщился уведомиться о обстоятельстве сего сказания».

Благодаря случайной записи на французской грамматике, сделанной ученым в пути, дошла до нас точная дата его рождения: «1720 году октября в 21 день, в Кунгуре, по сей грамматике начал учиться по французски артиллерии капитан Василий Никитин сын Татищев, от рождения своего 34 лет 6-ти месяцев и дву дней». Лишь с этого возраста ведет отсчет изученная биография Татищева. Чрезвычайно мало сведений о его детстве и юности. Мы не знаем даже точного места рождения. Энциклопедия указывает лишь: «около Пскова».

В течение ряда лет мне довелось работать в исторических архивах. Открылся ряд интересных сведений. Разрядные книги свидетельствуют о том, что предки ученого были люди военные.

Отец ученого был беспоместным, и первое небольшое наследство получил под Псковом незадолго до рождения Василия Никитича. Никита Алексеевич был женат на Фетинье Андреевне родом из Московского уезда. Поэтому ряд исследователей полагают местом рождения Татищева Подмосковье. Однако в пользу псковской гипотезы говорит тот факт, что Татищев

тищева. Погост Рождествено — недалеко от села Болдино, в котором ученый жил и работал последние пять лет жизни. Отсюда шли его письма в Петербургскую Академию наук. А делегация Академии наук приезжала сюда, и Татищев показывал столичным знаменитостям коллекцию окаменелостей, собранных им по берегам речки Рохталки, правого притока Сестры.

В Болдине сохранились руины старинных зданий усадьбы, великолепный партер, обрамленный столетними дубами и липами, нисходящий к Леонидовским прудам. Плотину, укрепленную корнями берез, по преданию, строил сам Татищев.

Надгробие Татищева на небольшом погосте Рождествено отыскивается среди могил с трудом. Оно сделано из камня-известняка и стоит среди погоста, стесненное со всех сторон чужими, вкривь и вкось поставленными решетками...

«Огонек» трижды обращался к проблеме сохранения и увековечения татищевских мест в Солнечногорском районе Московской области («Птенец гнезда Петрова», № 32, 1981 г., «Сделали и... зарыли в снег», № 7, 1985 г., «В памяти потомков», № 28, 1985 г.). Я помню, как в 1981 году впервые пришел в татищевское Солнечногорье. Рядом — железнодорожная станция, автострада Москва — Ленинград и... полное запустение усадьбы Татищева в Болдине, заброшенность могилы великого патриота России в километре от Болдина. Она не имеет даже ограды, даже надписи. Оговорюсь: была ограда поставлена на время съемок фильма «Сын Отечества», потом ее совхоз «Солнечное» увез как совхозное имущество. Сам тогда я сделал и сам отнес на могилу ученого памятную доску. Стали приходить сюда люди, в здешнем краеведческом музее появился снимок: пионеры из соседнего пионерлагеря у могилы Татищева. На средства общественности в местной мастерской заказали гранитную стелу в память ученого. Прошло четыре года. В преддверии юбилея В. Н. Татищева я вновь наведался в район. И что же: картина запустения мемориальных татищевских мест еще более печальная, нежели прежде. Готовую стелу никто не востребовал, она валялась на задворках: город Солнечногорск не нашел транспорта, чтобы почтить память великого земляка. Отыскал автомашину, рабочие мастерской безвозмездно в свободное от работы время помогли установить 7 июня 1985 года памятный

ПРОСВЕЩЕНИЯ

географические ландкарты, им составленные, благодаря которым обрели реальные черты целые прежде незнаемые области России, а «Практическая геометрия» Татищева, заложившая основы отечественной инженерии, а блестящие этнографические и палеонтологические исследования, также проведенные им впервые!

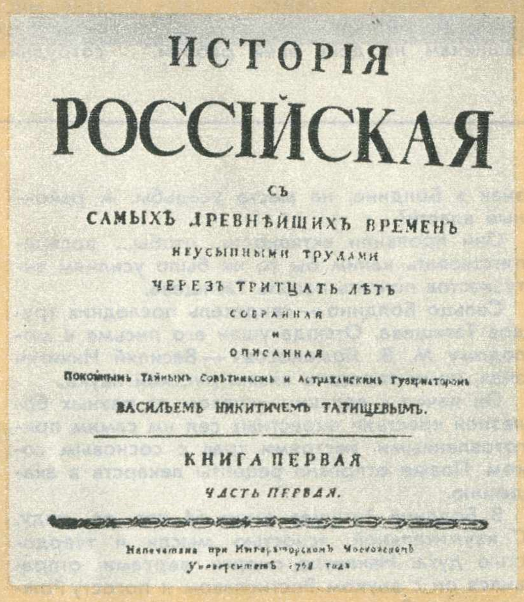
В центре Свердловска, у здания краеведческого музея, где начинался прежний Екатеринбург, я увидел высеченные на мраморе буквы, так поразившие меня своим смыслом: «...Основан капитан-поручиком Василием Татищевым в 1721 году». Он же назвал Каменный Пояс Уралом, да еще провел тут границу между Азией и Европой, да еще открыл гору Благодать, что богата «презизрядной железной руды, которой во всей Сибири лучше нет... Оная старанием бывшего над заводами главного начальника Татищева в 1734 году обретена, и великие заводы построены...». В горных школах Татищева учились простые русские мастеровые, для «инородцев» — казахов, башкир, татар, калмыков — им составлены первые словари.

Старший научный сотрудник Свердловского государственного объединенного историко-революционного музея Александр Геннадьевич Нестеров с гордостью показывает сохраненные для нас временем и людьми около ста татищев-

никогда не употребляет в своих сочинениях и письмах букву Щ, а всегда в соответствии с псковским говором записывает сочетание СЧ. Так он пишет и свою фамилию: «С тем Василей Татисчев поехал...». В деле о продаже сельца Болдина внуком ученого Василием Евграфовичем, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве города Москвы, в «Описи продаваемого с аукциона имения г. военного советника и кавалера Татищева, находящегося в Клинском уезде» от 1824 года я нашел листок с перечнем крестьян, принадлежавших отцу ученого. Среди них Иван Емельянов из сельца Бoредики Псковского уезда под Островом. Других имений на Псковщине у Никиты Алексеевича не было. Таким образом, можно считать, что Василий Никитич родился именно в Бoредках.

Надо сказать, что под Псковом мне встретилось немало названий сел с похожим звучанием: Борыгино, Борок, Боровичи, Борки, Болотки, Бордуки, Бор, Березники. Бoредки не сохранились до наших дней. Но вот что любопытно: на том месте, где, по воспоминаниям старожилов, находилось сельцо Бoредки, ныне выросла деревня, а точнее современный поселок Татищево. Земли наследовались и постепенно приобретали название по имени владельцев.

Хранит память о замечательном ученом-энциклопедисте и Подмосковье. Татищевские места располагаются в Клинском, Солнечногорском и Дмитровском районах. Недалеко от Солнечногорска, на территории совхоза «Солнечное» уцелели могила и надгробие В. Н. Та-

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ

съ

САМЫХЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

неусыпными трудами

чрезъ тритцать лѣтъ

собранная и описанная

Покойнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Астраханскимъ Губернаторомъ

ВАСИЛЬЕМЪ НИКИТИЧЕМЪ ТАТИЩЕВЫМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Напечатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1768 года.

Титульный лист первой Российской Истории, созданной Татищевым.

ВОКРУГ ЧАСТНОГО ДОМА

Станислав КАЛИНИЧЕВ, собственный корреспондент «Огонька»

Так уж сложилось, что слово «частник» у нас произносят как нечто не совсем советское, что ли...

Такие размышления приходят на ум после знакомства с письмом Георгия Андреевича Апраксина из Киева. Он живет в своем (официально — частном) доме на улице Осиповского, 2, что в Подольском районе.

«В доме нет воды, газа, отопления, канализации, телефона...,— пишет он.— Куда ни обращались, везде гонят в шею и — отказ. Мы просим, чтобы помогли за наш счет, но никто не хочет этим заниматься. А мы с женой — оба инвалиды труда второй группы, я участник Великой Отечественной войны. Нам не под силу заниматься стройкой. Путем разных махинаций делать этого не хочу, с детства не приучен... Меня так воспитал отец — ветеран революции, политкаторжанин. Я в семнадцать лет добровольцем ушел на фронт, воевал. После армии работал на тяжелых работах, а теперь вот никому не нужен. Просил, чтобы дали квартиру, а дом забрали,— не дают. Тогда сделайте что-нибудь, я ведь не прошу задаром — все оплачу, только чтобы официально, через какую-то организацию».

В письме все правда, вернее только часть ее. Рядом с Георгием Андреевичем еще целый поселок частных домов. Многие хозяева давно пристроили теплые «удобства», врезались в проходящую под улицей трубу канализации, провели газ, телефоны... Но каким образом все это делалось — выяснять так же неприлично, как считать деньги в чужом кошельке. Мог бы кое-что сделать и Апраксин. Скажем, у него водопроводная колонка во дворе. Зимой ее надо отключать, иначе замерзает. А чтобы вырыть тричетыре метра траншеи, кинуть кусок трубы и подвести кран в закрытую веранду — тут двум шабашникам на день всей работы.

Но в том-то и дело, что Апраксин не хочет иметь дела с шабашниками. Он принципиальный. Есть еще, оказывается, и такие люди. «Вот и сиди, — говорят ему, — со своей принципиальностью в холодной хате, без воды, телефона, с удобствами в конце двора!»

Он не сидит сложа руки, пишет. Его диван — сама коробка, на которой лежат подушки,— полон ответов из всяких организаций: от местных до Укрсовпрофа и центральных газет. Пять лет ведет он переписку, и пять лет ему шлют отфутболивающие ответы.

Решил и я пойти по адресам, по которым обивает пороги сам Георгий Андреевич. Зашел в Подольское райжилуправление. Стою в коридоре, выбираю, в какую дверь постучаться. И тут замечаю капитальное, приколоченное «на века» объявление: «К сведению граждан, проживающих в домах частного сектора». Узнаю, что «частников» принимают тут от 15 до 19 часов по средам, один раз в неделю! Узнаю далее из объявления, что для получения справки с места жительства (самой ходовой, которая по любому поводу требуется) частнику необходимо иметь при себе все паспорта или свидетельства о рождении проживающих в доме... Далее: домовую книгу, поэтажный план дома, выданный бюро технической инвентаризации не далее трех лет назад, нотариально заверенный договор конкретного пользования домовладением... И еще «правовые документы на дома», под которыми каждый может подразумевать что-то свое. И я понял: чтобы получить справку, с которой начинается любое дело «на законных основаниях», надо затратить не менее полугода и обойти десятки адресов. И еще я узнал, что в районе около четырех тысяч частных домов, и всеми связанными с ними делами в райжилуправлении занимается один сотрудник.

Дальше можно было уже и не ходить. Но у Апраксина полдивана переписки по поводу установки телефона. «Для телефонизации вашего дома необходимо гарантийное письмо строительной организации, которая смогла бы выполнить работу и обеспечить материалами. Такой организации узел сможет выдать технические условия. После выполнения работ... Подольский ТУ установит вам телефон. Другого решения Киевская ГТС принять не может, поскольку она не располагает материалами и строительной организацией». Не располагает... А инвалид, как явствует из письма начальника городской телефонной станции, должен располагать и материалами, и строительной организацией.

— Нет такого порядка,— сказал мне начальник Подольского телефонного узла В. А. Радченко,— чтобы кто-то официально занимался прокладкой телефонных линий в частные дома. И в Союзе нет. И не может быть. Да только в Киеве 260 тысяч семей в очереди на установку телефона. В нашем районе около тысячи участников войны в этой же очереди. В больших домах живут, где уже линии проложены... Контролирующие органы, если я начну заниматься частниками, не поймут...

Но кто-то же должен заниматься ими! Ведь XXVII съезд партии потребовал решительного улучшения всей организации бытового обслуживания, расширения сферы услуг, оказываемых населению!

Мне подсказали: есть трест «Киевбытремстрой», который располагает всеми правами и материальными возможностями выполнять всякие строительные работы по заказам населения. Разыскал этот трест. Он на улице Жадановского. Капитальная вывеска. Двери настежь! Коридор. Приемная... Пусто. Заглянул в один кабинет, в другой — никого. Послышался цокот каблучков, появилась девушка.

— Вам кого?

— Кого-нибудь из руководства.

— Последняя дверь по коридору.

Старшим из руководства на месте оказался начальник производственно-технического отдела В. В. Лагода. Он с пониманием выслушал мой рассказ о мытарствах Георгия Андреевича Апраксина, однако предупредил, что их трест не производит работ, связанных с газом, телефоном, водопроводом... Потолок побелить, обои наклеить (плохие), кафель положить (харьковский — хуже не бывает) — это можно.

— Пристройку к дому возьмемся сделать... только не скоро.

— Назовите примерный срок,— попросил я.

— Боюсь сказать. У нас на несколько лет вперед очередь на строительство садовых домиков, пятьдесят — шестьдесят домиков за год. Для Киева это микроскопически мало.

Большинство работ по заказам населения,— продолжал Валентин Валентинович,— для треста в убыток. Настелить линолеум, побелить потолки или вставить несколько стекол — все это стоит в пределах десяти — двадцати рублей. Половина уходит на зарплату мастерам. Что же остается, если мы только за аренду микрогрузовичка платим в день до тридцати рублей? Получается, как в той поговорке: торговали — веселились, распродали — прослезились... Конечно, есть работы более выгодные. Скажем, ремонт кооперативных домов, за который расплачиваются сами пайщики, строительство многоэтажных гаражей для населения. Тут небольшие прибыли могли бы перекрыть некоторые убытки, что-то осталось бы и для развития стройбазы — там оборудование изношено до предела: чаще в ремонте, чем в работе. Но вышестоящие организации не помогают нам, а скорее наоборот. ЦСУ и Совмин запретили строить многоэтажные гаражи, вроде бы это не такие же деньги от населения, как за строительство одноэтажных! Лестницу в кооперативном доме ремонтировать имеем право, а крышу нет! Материалами снабжают в последнюю очередь, и такими, что уже никто не берет... Вы заметили,— оживился вдруг мой собеседник,— что нет ни управляющего, ни главного инженера? Вчера еще были, а сегодня ушли оба.

— Их уволили?

— Нет, сами ушли. Да и я тут не задержусь, как только подыщу работу в другом ведомстве...

Все это как-то не вязалось с моими прежними представлениями о строительной мощи Киева. За последние годы здесь выросло множество изумительных, я бы даже сказал, роскошных зданий: Дом мод на Бассейной и Дом мод на улице Артема, Дворец цветов... Укрсовпроф, к примеру, посылал ответы Георгию Андреевичу еще из старого прекрасного здания. За это время Совет профсоюзов перебрался в сказочно красивый дворец. Выходит, есть в Киеве и хорошие строители, и хорошие материалы.

...Начальник Подольского телефонного узла В. А. Радченко при всем моем сдержанном отношении к нему высказал одну глубокую мысль: «Каждый инвалид или ветеран, частник он или нет, где-то работал в коллективе. Забота о нем должна и определять нравственный уровень такого коллектива».

Я это высказывание трактовал бы шире: забота о рядовых членах общества должна формировать моральный климат в обществе социальной справедливости. Должны быть хорошие правила, а не прекрасные исключения из них. Тогда Георгий Андреевич Апраксин без хлопот обзаведется теми удобствами, которые позволительны его финансовым возможностям. По закону.

знак в Болдине, на месте усадьбы. А районные власти?

Они проявили активность, чтобы... воспрепятствовать каким бы то ни было усилиям энтузиастов почтить память Татищева.

Сельцо Болдино — свидетель последних трудов Татищева. Отсюда ушли его письма к молодому М. В. Ломоносову — Василий Никитич знал, кому передать знамя русской науки.

Он лечил с великим успехом от разных болезней крестьян окрестных сел им самим приготовленными настоями трав с сосновым соком. Позже отправил рецепты лекарств в академию.

В Болдине Татищев умер 64 лет от роду. С изумительной ясностью мысли и твердостью духа. Накануне смерти верхами отправился он с внуком Ростиславом к погосту Рождествено. Выслушали литургию. И велел Татищев солдатам, его сторожившим, вырыть могилу возле могил отца его и матери. Воротясь домой, в Болдино, нашел у дверей фельдъегеря из Петербурга с указом о невиновности и с орденом Александра Невского. «Завтра умру»,— сказал курьеру и отправил орден обратно. На станке, подаренном ему Петром I, сам выточил ножки для гроба. И умер на другой день, призвав к себе перед кончиной сына Евграфа Васильевича, невестку и внука.

...Камень надгробия почернел, выбит ветрами и ливнями, ему почти два с половиной века. На гранях видны еще буквы: «Василий Никитич Татищев... вступление в службу 1704 года... генерал-бергамейстер заводов, тайный советник в Баренбурге и в Астрахани губернатор... и в Болдину 1750 году скончался июля 15 дня». И снова слово архивному документу: «Определен по имянному указу в Астрахань губернатором, где будучи, исполнял имянное высочайшее повеление, описывал чрез искусных людей неизвестные места и сверх вверенной ему должности сочинял всей той губернии ландкарту, которую по сочинении отослал в Правительствующий Сенат и в Академию Наук, а потом трудился над сочинением Российского гражданского лексикона и Истории, а в 1744 году по прошению его за болезнью от службы уволен в дом свой...» Так написал о своем славном предке в своей родословной в самом конце XVIII века внук Татищева, бывший при нем в Болдине в детские годы.

Сергей Михайлович Соловьев, подводя итог работе Татищева над «Историей Российской» и обобщая всю научную деятельность замечательного ученого, сказал яркие и правдивые слова: «Такова громадная деятельность Татищева, которому, наряду с Ломоносовым, принадлежит самое почетное место в истории русской науки в эпоху начальных трудов».

И. Симонов. Род. 1927. ПАМЯТЬ. 1985.

А. Болхонцев. Род. 1933. БЕРЛИН, ЦЕНТР, 1945 ГОД. 1985.

Г. Ващенко. Род. 1928. ХРОНИКА ПОБЕДНОЙ ВЕСНЫ. 1984.

Зигмунд ХИРЕН

До самых тонких тонкостей

С чего началась наша беседа с писателем главным редактором «Нового мира» Владимиром Васильевичем Карповым? Позвонили не то из ВААП, не то из Союза писателей, и Карпов стал живо кому-то рассказывать о своей недавней встрече с крупным английским издателем Робертом Максвеллом и что тот намерен перевести и издать в Лондоне его повесть «Полководец».

Карпов, извинившись, объяснил, что сейчас у него предстоит еще один разговор, на сей раз с автором неудачного романа.

— Это всегда неприятно, едва ли не самая из неприятнейших обязанностей главного редактора,— добавил Карпов.

Я же, услышав это, подумал об одном из предшественников Владимира Карпова, а именно об Александре Твардовском, когда тот забраковал первую повесть Тендрякова «Среди лесов». Тендряков рассказал мне все, как было. Учился он тогда еще в Литинституте, состоял в семинаре Катаева, и именно тот порекомендовал его Твардовскому. Тендряков писал по ночам, забравшись в один из институтских кабинетов. Время было тяжелое, послевоенное, питался со всей семьей присылаемой матерью картошкой, насушенной дома, на далеком Севере, тоненькими кружочками, носил отцовские галифе еще времен гражданской войны, а старый клеенчатый плащ, видимо, того же происхождения, служил ему верой и правдой все четыре времени года. Все надежды возлагались начинающим писателем на повесть. Тендрякову был выдан небольшой аванс. И вот все рухнуло. Твардовский объявил Тендрякову, что тот вздумал агитировать за Советскую власть, а народ и без его агитации за нее. Нужны книги о реальной жизни, о том, что мешает возвращаться стране к нормальной жизни после войны. Встают сотни проблем, которые надо решать безотлагательно, да не всегда это людям удается. Вот тут-то слово писателя, весомое, сильное, яркое, и требуется. Тендряков молча слушал, а в голове была одна мысль: где взять деньги, чтоб вернуть полученный от «Нового мира» аванс? Между тем, ничего не сообщив автору, Твардовский распорядился пока аванс не взыскивать, а предложить Тендрякову в погашение его написать новую, пусть небольшую вещь. И тогда-то появилось тендряковское «Падение Ивана Чупрова», в общем-то небольшой очерк, но сразу поставивший Тендрякова в один ряд с таким писателем, как Валентин Овечкин, прославившийся тогда на всю страну своими «Районными буднями». Между тем сам Овечкин пережил до этого ситуацию похуже той, в которой оказался Тендряков. Но Овечкина редакция, куда направил он свои «Районные будни», обвинила в том, что он очерняет действительность, очерняет кадры. И вот Овечкин послал свою невезучую рукопись Твардовскому, тогдашнему редактору «Нового мира». Вскоре пришла в ответ Овечкину телеграмма: «Поздравляю замечательным произведением... задерживаем номер, даем». А чуть позже Твардовский по поводу одной из статей, опубликованных Овечкиным в «Правде», написал ему: «Это так великолепно, нет, не то слово — это благородно, умно, смело, честно. Я просто взволнован. Ради опубликования этой статьи я готов был бы вновь стать редактором, вновь быть снятым и хотя бы даже высеченным на площади. И притом, что ничего нового для меня в работе этой нет, как и для тысяч и тысяч других людей, только изложено это с таким знанием дела, уверенностью, убежденностью и прямотой, которым, как ты правильно сам сказал, уже само по себе облегчает накипевшую боль души».

Конечно, не случайно пришли ко мне эти воспоминания в кабинете главного редактора «Нового мира», журнала, с которым связаны, пожалуй, наиболее значительные достижения советской прозы и публицистики послевоенного времени. И современный его главный редактор, кандидат в члены ЦК КПСС, В. В. Карпов, продолжая традиции своих предшественников, принципиально и конкретно говорит о современном положении дел в литературе. «Оценка партии представляется мне очень важной для дальнейших судеб нашей литературы. Думается, что она, эта оценка, обязывает и требует от писателей более высокого и более ответственного отношения к своей творческой работе. Это прямой призыв к борьбе за более высокие идейно-художественные критерии при оценке новых произведений. Нелицеприятный, свободный от чинопочитания, истинный партийный подход к своим задачам — вот что партия ждет от литературной критики, которая должна быть требовательной, объективной, ответственной, свободной от шараханья, когда утром новому произведению дается одна оценка, а вечером, оказывается, критик сменил гнев на милость или наоборот.

Говоря о критике комплиментарной, нельзя умолчать о так называемых внутренних рецензентах, зачастую сделавших своим ремеслом совершенно противоположное. Если не голое охаивание рукописи, не предусмотренной планами издательства, то просто выискивание причин, позволяющих ее отвергнуть, увы, независимо от степени ее талантливости.— Так ведь это преступление,— скажут мне.— Да, согласен. Спросил одного такого внутреннего рецензента, допускает ли он, что среди множества рукописей, прошедших через его руки, может оказаться одна, равная... И тут назвал я наиболее талантливых наших современных поэтов. Нет,— отрезал критик. Но ведь было время, когда не знали мы, скажем, таких имен, как Вознесенский, Евтушенко, Мартынов, пробовал я возразить. Но мой собеседник был тверд в своем мнении. Значит, наряду с комплиментарностью к одной обойме писательских имен существует неумолимое «нет» к другой».

После нелегкого разговора главного редактора с автором неудачного романа я спросил Карпова, не возражает ли он, если мы продолжим беседу о переводе его «Полководца».

Признаться, в том, что англичане намерены перевести документальную повесть Владимира Карпова, ничего нового для меня не было. Я уже знал, что, помимо почти трехмиллионного тиража в Советском Союзе, книга только что вышла на китайском языке в Пекине. Ее готовят к изданию еще в нескольких странах. И все-таки меня заинтересовал разговор о лондонском издателе. Но тут узнаю, что поначалу Карпову было отказано в английской визе. Речь шла о праздновании 40-летия операции «Оверлорд». Проще говоря, о высадке десанта союзников в 1944 году в Нормандии. Тот, кто отказал Карпову в визе, скорее всего не знал, что Владимир Карпов, будучи еще капитаном Советской Армии, был даже знаком с одним из руководителей этой операции — генералом Монтгомери. Правда, знакомство было эпизодическим,— произошло уже после войны в Москве, в Академии имени Фрунзе, которую, забегая вперед, скажу, Карпов окончил, защитив диплом на английском языке. Вернусь, однако, к Монтгомери. В тот день Карпов занимался в кабинете тактики. Монтгомери в сопровождении маршала Конева и других военачальников знакомился с Академией. И вот в кабинете тактики остановился около стола Карпова. Причина? Рядом на колонне висел портрет Конева.

— Конев, это вы? — спросил Монтгомери.

Конев улыбнулся:

— Похож?

Дочь Джека Лондона Бесси с Владимиром Карповым. США. Окленд.

Карпов встал, приветствуя военачальников.

Монтгомери, обращаясь к переводчику, сказал:

— Спросите у него, чем он занимается?

Стоявший тут же заместитель начальника Академии подсказал Монтгомери:

— А вы сами спросите у него, он хорошо знает английский.

— Да? Вы знаете английский? — обратился Монтгомери к Карпову.

— Да, разумеется.

— Чем вы занимаетесь?— продолжал Монтгомери.

— Готовлюсь по тактике на завтра.

— А что будет завтра?

— Завтра я должен принимать решение за командира полка.

— А кто вы по званию?

— Капитан.

— Вы участвовали в боях? Впрочем, я вижу, у вас боевые награды.

Тут в разговор вмешался Конев:

— Он Герой Советского Союза. Видите, у него Золотая Звезда.

Монтгомери, пожав Карпову руку, спросил:

— А где вы изучали английский?

— В школе и здесь, в Академии.

— Вы хорошо говорите по-английски,— прощаясь, сказал Монтгомери.— Желаю вам покомандовать полком не только на занятиях в Академии, а настоящим полком.

И что же, пожелание английского военачальника сбылось. Карпов, окончив Академию, несколько лет работал в Генеральном штабе, затем, словно во исполнение пожелания англичанина, добился назначения на должность командира полка. Служил в Средней Азии. Потом был заместителем командира дивизии, начальником штаба механизированной дивизии. Словом, Монтгомери попал «в яблочко».

...Я не стал расспрашивать Карпова о его беседах с английским издателем. Визу ему в конце концов дали, и он провел некоторое время в Англии. Меня интересовали встречи Карпова с участниками операции «Оверлорд». Собираясь к Владимиру Васильевичу, я захватил с собой письмо, написанное для меня собственноручно маршалом Георгием Константиновичем Жуковым во время Потсдамской конференции. Тут, думаю, не место вдаваться в подробности этого факта. Скажу, что речь в том письме шла о большой работе, посвященной только что завершившемуся Берлинскому сражению. Жуков, несмотря на занятость Потсдамской конференцией, все же нашел время письменно изложить соображения о том, как следует освещать в прессе и в литературе операцию, которой он лично руководил. В том письме Жуков рекомендовал обязательно осветить обстановку не только на Восточном, но и на Западном фронте, кроме того, обязательно рассказать читателям о подробностях встречи Красной Армии с союзными войсками на Эльбе. Зная, что Карпов в настоящий момент работает над новой книгой, посвященной маршалу Жукову, я захватил с собой это письмо, надеясь, что оно ему пригодится. Каково же было мое изумление, когда Карпов показал мне подробные записи своих встреч с участниками тех самых событий, о которых упомянул в письме Жуков. Оказывается, Карпов во время своих зарубежных поездок, а в особенности в США и Англию, кропотливо собирал документальный материал для своей будущей книги о Жукове.

— Глубоко заблуждаются те,— продолжал беседу Владимир Васильевич,— кто считает, что о Великой Отечественной войне уже все написано. Ведь «Война и мир» появилась спустя пятьдесят лет после Бородина, а, в сущности, «Война и мир»— главная книга, широко воссоздающая на века Отечественную войну 1812 года. Значит, говорить, что все исчерпано, абсурд. Эренбург часто повторял, что автор новой «Войны и мира» пока ходит под столом. Тихонов сказал, что пятьдесят лет — минимальный срок для того, чтоб отстоялись события такого масштаба, как Великая Отечественная война. Шолохов, впервые попав на Западный фронт в августе 1941 года, уже тогда касался вопроса о сроках, необходимых, чтоб отстоялись впечатления.

Если говорить о проблемности военного времени, надо признать, что не все авторы отваживались с бесстрашной откровенностью касаться острых проблем в разгар боев. Внимание же большинства писателей было обращено главным образом на героизм.

Другое дело — военная проза наших дней. Но время от времени да и вспыхивают споры по поводу того, какая же проза о войне главная, та ли, что пишется пером бывших сержантов, лейтенантов, или та, которая писалась профессиональными писателями, а на войне корреспондентами? Думается, что подобная постановка вопроса ошибочна. Сейчас уже есть молодые авторы военных книг, авторы, вовсе не нюхавшие пороха, не было их еще тогда на свете.

— Недавно мы в «Новом мире» опубликовали повесть о войне «Самый трудный день» Н. Старилова. Ее автору еще тридцати нет, по профессии он инженер-экономист. Что привлекло к ней внимание редакции? Правдивость, достоверность, ощущения боевой обстановки, убеждающие даже фронтовиков, верное понимание психологии человека в бою. Поколение фронтовиков уходит. И вот идет смена обнадеживающая,— заключает Владимир Васильевич.

Тут речь у нас коснулась истории прихода в «Новый мир» Карпова.

— На работу в «Новый мир» меня пригласил Сергей Сергеевич Наровчатов в феврале 1979 года. «Новый мир» — это не только журнал, это еще своеобразный, очень мудрый, очень опытный, очень разбирающийся в вопросах литературы мир.

Сперва я был первым заместителем Наровчатова, а после смерти его был назначен главным редактором «Нового мира». Очень не просто издавать такой журнал. Работа, конечно, и почетная, и трудная. За эти годы доводилось постоянно и близко не только общаться, но и работать с такими крупными писателями, как Чингиз Айтматов, Федор Абрамов, Даниил Гранин, Леонид Леонов, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Юрий Бондарев, Расул Гамзатов... Эти общения, доверительные беседы, совместные раздумья над их рукописями давали и дают мне как писателю очень много.

О себе Карпов говорит, что он может писать лишь о том, что пережил сам, что прошло через его мозг, его сердце, его нервы. Но это не значит, что он пишет мемуары. Пережитое служит писателю постоянным источником, постоянным кладезем, из которого черпает все то, что удается написать.

Карпов, словно угадав мое намерение задать тривиальный вопрос, говорит:

— Некоторые, дожив до старости, восклицают: «Где мои семнадцать лет!» Или говорят: «Если бы пришлось прожить жизнь заново, все повторил бы как было». Не могу о себе сказать так же. Я бы не хотел пройти через все пережитое — много в нем было тяжелого, опасного и невеселого. Через такое проходят только раз. В случае повторения всего, что довелось мне пройти, едва ли удалось бы проскочить так вновь. Пожалуй, страшна даже не смерть, которая подстерегала меня многажды, более опасным мне кажется внутреннее психологическое испытание — сумею ли я еще раз выстоять, не сломаться как человек? Многие друзья, близкие мне люди, хорошо знающие мою жизнь, поражались не столько тем, что я уцелел, но еще в большей степени тем, что я остался порядочным человеком, не свихнулся психически, не озлобился. А ситуации, думаю, вам известны из моей повести «Полководец».

...На столе у Карпова я увидел фотографию, похоже было, что снимок любительский. Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы лица, а в особенности глаза мужчины и женщины, запечатленные на снимке, находились больше в фокусе, но все равно было трудно оторваться от снимка. Он был сделан в США, в городе Окленде. На снимке — дочь великого американского писателя Бесси, а рядом с ней Владимир Васильевич Карпов. Спросил, о чем разговаривали. Карпов ответил, что перед встречей с Бесси там же, в доме, ему показали короткую кинохронику, в которой запечатлен был Джек Лондон за три дня до трагической смерти. Он лихо сидел на громадном битюге и, подавая шенкеля в бока лошади, веселый, смеющийся, расталкивал густые отары овец. Помнит ли Бесси, спросил ее Карпов, как все, что показывает кино, было в жизни. Нет, ответила она. Была слишком мала. Но этот кусочек киноленты, добавила она, так часто смотрит, что иногда ей начинает казаться, что все это происходило на ее глазах.

Карпов на меня взглянул по-особенному, и мне почему-то показалось, что в эту минуту я угадал, о чем его мысль. Ведь и его жизнь некогда во многом была схожа с жизнью любимого им великого американца. Для Карпова встреча с его дочерью стала событием, и немалым.

— Я представил Джека Лондона,— говорит Владимир Васильевич,— с его очень сложной биографией, многими приключениями, так в конечном счете оказавшимися полезными для его писательской судьбы. Вспоминал многих других писателей, у которых жизнь тоже была сложной. Мне казалось это нормой, одним из необходимых условий для писателя — сложная жизнь, наполненная многими передрягами. Где бы я ни был, в самых смертельно опасных обстоятельствах, я почти подсознательно отмечал: вот как все круто обернулось — теперь и это прибавится в моей писательской судьбе, вот теперь и это буду знать до самых тонких тонкостей.

Интересно, думал я, слушая Карпова, а что думает он, главный редактор одного из наших лучших толстых журналов, например, о Литинституте, который он кончал вместе с Тендряковым? Его однокашниками были Бондарев, Солоухин, Бакланов, Годенко, Гамзатов. Может ли он назвать из нынешних выпускников, молодых литераторов, равнозначные имена? Я спросил об этом Владимира Васильевича, и он оживился:

— Тут мы подходим к одному из кардинальнейших вопросов. Кого принимать в Литинститут? Каковы должны быть требования к его абитуриентам? Достаточно ли серьезны предварительные собеседования, чтения представленных жиденьких рукописей? Зачем заниматься самообманом? Пока еще не было, начиная с Льва Николаевича Толстого, чтоб писательский талант передавался по наследству. Видимо, абитуриентов надо тщательнейшим образом подбирать, и должны этим заниматься талантливые люди, чье мнение должно быть решающим. Никаких скидок. Что говорить, иногда смотрят на Литинститут как на прибежище, если паче чаяния не удается попасть в обычное высшее учебное заведение. Мы живем сейчас в эпоху, когда партия призывает нас все называть своими именами.

Так в беседе о судьбе самого Карпова возникли проблемы, которые я считал необходимым включить в свое повествование. Был Владимир Васильевич делегатом XXVII съезда КПСС и рассказал о происшедшей там встрече с академиком Патоном. В своем выступлении на съезде ученый сказал: «Претворение в жизнь стратегической линии партии требует, чтобы наука в полной мере реализовала себя как непосредственная производительная сила».

Карпов спросил Патона:

— Борис Евгеньевич, под непосредственной производительностью вы имеете в виду практическое использование научных работ?

— Разумеется! — ответил ученый.

— А вот в писательском деле,— сказал Карпов,— каждая работа должна быть практической, иначе это не литература.

— Не обольщайтесь, Владимир Васильевич,— тут же нашелся Патон,— у писателей бывают такие же случаи, как и в науке... Порой наш диссертант создает работу, нужную ему лишь для получения ученой степени, а некоторые литераторы создают такие творения, что если бы они были изданы в единственном экземпляре, то ни читатель, ни литература от этого не пострадали бы...

Замечание ученого, как и все другие проблемы, тут упомянутые, имеют, по мнению Карпова, основание стать предметом обсуждения предстоящего Восьмого Всесоюзного съезда писателей.

Долгое время Карпов дружил с Овечкиным, и вот, прощаясь со мной, вспомнил он письмо друга, адресованное когда-то одному из редакторов: «Если мое письмо не изменит Вашего отношения о пропорциях «света и тени»,— что ж, значит, не будем «сватами»... Так или иначе буду добиваться напечатания повести в ее настоящем виде, со всеми «резкостями». В этом вся соль... Надо писать так, чтобы литература ощущалась в жизни страны как реальная строительная сила. От лакировки пользы нет ни партии, ни народу».

VI. ПОСТОЯННСТВО МАСТЕРСТВА

Нередко можно услышать настойчивый вопрос: «Кого считать истинным мастером футбола? Каким требованиям должен он отвечать?» Вопрос этот возникает неспроста, он не из числа досужих. В самом деле, на футбольной арене мелькает очень много людей самых различных. Называют их одинаково — мастера, но это общее для всех наименование не устраивает любознательных, они, как легко предположить, про себя рассуждают так: «Мастера-то они мастера, а кто из них в самом деле мастер?» Тут не выручит и спортивная классификация, звание мастера у нас присваивают сразу всем, кто состоял в преуспевшей команде и сыграл определенное количество игр.

Недаром говорят: «Команда играла так, как ей позволял противник». Своеобразие футбольного мастерства в том, что оно выражается в преодолении. Умеющий переигрывать и есть мастер. Если же игроку мешают противники, не дают ему себя показать, то в его мастерстве приходится усомниться.

Не думаю, чтобы футбольное мастерство принципиально отличалось от мастерства в любой другой сфере человеческой деятельности. Если человек предан футболу, считает его линией своей жизни и умеет ему подчинить все остальное, он обязательно будет совершенствоваться и станет мастером. Пусть даже способностей ему отпущено скуповато, все-таки в лице такого человека мы получим мастера. Ну а когда при подобном отношении к футболу есть еще и талант, то вырастает мастер, которого помнят десятилетиями, мастер, повлиявший на развитие игры, оставивший глубокий след.

Я упоминал, что не мог в свое время налюбоваться игрой Григория Федотова, горжусь, что побыл, хотя и немного, вместе с ним в линии нападения. Не в том дело, что он забивал имевшие дорогую цену голы, и даже не в том, что, наблюдая за ним, нельзя было не испытывать эстетического удовольствия. Федотов надолго предвосхитил футбол будущего, внес в игру столько нового, сколько не снилось самым прозорливым тренерам. Что же именно?

Еще в довоенное время он с безошибочной разумностью, вполне непринужденно действовал, согласно требованиям обстановки, умел сыграть либо индивидуально, либо строго в командных интересах. С ним все партнеры играли хорошо, во всяком случае, лучше, чем в его отсутствие. Он быстро подмечал, кто в чем силен. Если, скажем, у его товарища уверенный удар с правой ноги, можно было не сомневаться, что Федотов откинет ему мяч под эту ногу. Он в пору жестких тактических схем наперекор общепринятому со своего левого фланга уходил и в центр и направо, как ему подсказывала интуиция.

Думаю, что он первым в нашем футболе начал забивать мячи головой в падении. Стал постоянно пользоваться резаными ударами, когда о «сухом листе» никто и понятия не имел. В знаменитом матче «Спартака» со сборной Басконии на стадионе «Динамо» (6:2) в июле 1937 года первый гол он забил с линии ворот в дальний угол по траектории тогда немыслимой. У него был оригинальнейший бег, он бежал, не выпрямляясь, а как бы приседая, и, чем более всего обескураживал защитников, неуловимо менял скорость: разгонится, приостановится и снова рванется.

Вероятно, я перечислил не все его достоинства. Но разве все эти качества не характеризовали бы с лучшей стороны и сегодняшних мастеров, хотя с федотовских времен прошло чуть не полвека? Разве и сегодня мы не добиваемся, чтобы футболисты умели чередовать коллективное и индивидуальное начало?!

Хорошо помню, что уже в 1937 году Григорий Федотов имел собственное мнение по всем футбольным проблемам, учить его было нечему. А был ему тогда 21 год. Он на удивление рано постиг суть игры, оригинально, остро истолковывал тактические приемы.

Григория Федотова в ту пору, когда он из Ногинска перебрался в столицу, нельзя было назвать человеком особо развитым и начитанным. Но он был, я бы сказал, хитро-веселым, все ловил с полуслова, быстро схватывал, точь-в-точь как на поле, в игре.

К слову должен заметить, что дураки в футбол не играют. С годами я привык, наблюдая за действиями того или иного игрока на поле, если я, конечно, с ним знаком как с человеком, видеть в нем не отвлеченную футбольную фигуру, а известную мне личность. Вот я вижу, как пускается в затейливый, озорной, с выкрутасами маневр наш полузащитник Евгений Кузнецов, ярославский парень, и знаю, что таков он и за пределами поля: выдумщик, с норовом, своевольный. Наблюдая за Юрием Гавриловым, затевающим свои комбинации, я узнаю его упрямую прозорливость, предусмотрительность, упорство, все то, что мне о нем известно за годы, проведенные рядом.

Меня радует, что существует Клуб бомбардиров имени Федотова и что приз команде, забившей

Спартаковский круг почета. Фото А. Бочинина

наибольшее число мячей в чемпионате, тоже носит его имя.

Конечно, он не один такой в истории советского футбола. Был у нас техник мирового класса ленинградец Петр Дементьев. А какой образец форварда создал Эдуард Стрельцов! Жалею, что игровая деятельность в футболе и хоккее такого мастера, как Всеволод Бобров, пришлась на время моего отсутствия в Москве.

У мастера жизнь на футбольной арене недолгая. Но и она длится не на едином дыхании, а делится на этапы. Не спешите меня ловить на противоположных примерах, знаю, что исключения встречаются. И все же долгие наблюдения позволяют мне утверждать, что мастер проходит три этапа.

Первый — с 18 до 23 лет, когда голова не всегда поспевает за ногами.

Второй — с 24 до 28 лет, когда голова и ноги работают заодно, лучшая пора.

Третий — с 29 лет и до конца игровой карьеры, когда ногам не всегда удается поспевать за головой.

Во время каждого из этих этапов игрок может быть хорош, полезен для команды, но по-разному. И к этому надо уметь относиться с пониманием.

Чрезвычайно важен первый этап: тут решается, мастером какого калибра станет футболист. В это время он должен обзавестись, я бы сказал, опытом аналогичных ситуаций. Сотни повторений ведут к выработке рефлексов, реакции становятся автоматическими, уверенными, беспроигрышными. И от того, насколько молодой игрок окажется добросовестным, терпеливым, восприимчивым, способным осмысливать неудачи и вносить что-то собственное, новое, зависит его будущее, время его расцвета, когда обычно добиваются признания.

Футбол, конечно же, начинается с техники и стоит на ней. У нас к этой стороне мастерства отношение почему-то неровное и непостоянное, о ней то забывают, увлекаясь физическим развитием, тактикой, воспитанием воли, то вдруг вспоминают и бьют во все колокола. Когда прошлым летом наши юниоры хуже, чем всем нам хотелось, выступили на мировом чемпионате, колокола вновь прозвучали, поскольку и широкой аудитории, и специалистам бросилась в глаза техниче-

МОИ ФУТБОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

Окончание. См. «Огонек» №№ 14—18.

ская ограниченность игроков сборной. Отклик был верен: беготней и напором хорошую игру не подменишь.

Вообще чрезвычайно полезно во время матчей слушать трибуны. Зрители, как я думаю, способны легко представить, что они сами были бы в состоянии быстро бежать, толкаться, отбросить мяч стоящему поблизости партнеру. Когда же они видят то, что сделать не в силах — обводку, удар с подрезкой, финт, точный пас через все поле,— они восхищаются и аплодируют. И на протяжении всего матча ждут не дождутся, когда же мелькнет что-то редкое, виртуозное, что позволит им соприкоснуться с высоким мастерством.

Есть игроки полезные, но похожие друг на друга, ординарные. Они не смотрятся. А есть такие, что глаз от них не оторвешь: что-то он выкинет, что затеет, что сотворит? Эти зрелищные. Не вижу ничего предосудительного в том, что их называют любимцами публики, оттенок иронии тут неуместен. Сильной команде в равной мере требуются те и другие. Но любимцы публики встречаются пореже, а они-то, как последний мазок художника, оживляют картину футбола и делают игру команды оригинальной, трудной для противника.

Природные способности для того, чтобы сделаться «технарем», существуют. Но весь вопрос в том, как их развивать и упражнять. Когда говорят, что прежде выдающихся «технарей» было больше, приходится соглашаться.

Я ничего не имею против школ, где ребят учат футболу, их создание — одно из наших достижений. Загвоздка в том, чему и как их учат. Наблюдая за выпускниками, с грустью вижу, что они похожи друг на друга, как батоны, выпекаемые на хлебозаводе, черты индивидуальности у них едва различимы. Не случайно надежды на открытие оригинального игрока все чаще связываются с небольшими городами. Не оттого ли это, что туда стандартное обучение еще не проникло, не охватило всех?

. Вот типичная сценка из так называемого дикого футбола. В компанию 18-летних затесался 12-летний. Что остается малышу, чтобы не затеряться среди здоровяков, чтобы его не вытолкали с поля за ненадобностью? Ему надо превзойти их в технике, в ловкости, в смекалке. Вот он и изощряется. А как закаляется, мужает его характер в неравных схватках! Насколько мне известно, именно так формировалось искусство таких знаменитых «технарей», как братья Петр и Николай Дементьевы, динамовец Сергей Ильин, спартаковец Владимир Степанов, куйбышевец, а потом спартаковец Галимзян Хусаинов.

А сейчас я не уверен, что малыша примут в школу. Откажут — ростом не вышел. А если примут, то уроки и нагрузки будут для всей группы одинаковые, и он не сумеет выделиться, будет постоянно уступать здоровякам.

Должен признаться, что хотя я, когда играл, был по росту в своей команде правофланговым, с большим сомнением отношусь к тому, что баскетбольный рост проникает в больших количествах в футбол. Боюсь, как бы погоня за ростом игроков, нынче вошедшая в моду, не придавила футбол, не вытравила из него игровое начало, не сделала его однообразным. Задуматься бы вовремя тренерам над тем, почему так редко встречаются игроки типа Ф. Черенкова, А. Заварова, А. Нарбековаса, без которых футбол теряет живинку, упрощается!

Техника закладывается в раннем, нежном возрасте, «технари», они все из детства. Не знаю случаев, чтобы взрослый футболист вдруг превратился в «технаря». Другое дело, что технические навыки полагается постоянно тренировать, оттачивать, совершенствовать. На моих глазах Сергей Сальников, общепризнанный «король техники», когда заканчивались общие занятия, регулярно собирал с десяток мальчишек и затевал с ними игры втроем против шестерых или он один против троих. Учебной программой это не предусматривалось, но Сальников знал, что делал, он до конца своей карьеры оставался виртуозом. Подобное отношение к поддержанию и развитию своего мастерства, к великому огорчению, сейчас встречаешь чрезвычайно редко. И тренеров упрекнуть едва ли справедливо, тут должна проявляться внутренняя потребность игрока, его взыскательность к самому себе. А индивидуальные занятия по принуждению — это бессмыслица.

Правда, тренеру по силам найти наилучшее применение способностям игрока и тем самым поощрить его их развивать. Юрий Гаврилов пришел в «Спартак» из «Динамо» умелым, ему не было нужды осваивать какие-либо приемы. Но в прежней команде он был полузащитником, был вынужден передвигаться по полю непрерывно, и его диспетчерские задатки раскрывались не полностью. К. Бесков определил ему место своеобразного центрального нападающего, который отходил далеко назад лишь в случае крайней необходимости.

Я лично особенно высоко ценю командный патриотизм и смелость.

Командный патриотизм, полагаю, понятие ясное, особенно растолковывать нечего. Если мы в своем кругу о ком-то говорим спартаковец, то это надежная характеристика. И необязательно человек этот по происхождению с «Ширяевки» или из Тарасовки. Достаточно много было игроков, пришедших в нашу команду взрослыми, но принявших нашу «веру». Это Владимир Степанов, Николай Дементьев, Алексей Парамонов, Никита Симонян, Николай Тищенко, Игорь Нетто, Николай Киселев, Владимир Маслаченко. Спартаковцы — это те, кто в игру, во все дела, в судьбу команды вкладывает душу.

Но попадались, что греха таить, и люди как бы из «наемного войска», играли неплохо, но без душевного горения, с прохладцей. Футбола на них та же, а в ранг спартаковцев мы их не возводили.

О смелости применительно к футболу на первый взгляд рассуждать тоже вроде бы незачем, сама игра по всей своей сути — для людей смелых. Так-то оно так, а мы тем не менее то об одном, то о другом отзываемся — трусоват, причем это может быть не какой-нибудь щуплый, а здоровенный парень, атлет.

Основываясь на долгом опыте, я выработал для себя некую градацию. Не настаиваю на ее абсолютной точности, но рискну предложить вниманию читателей.

Первыми идут храбрецы, люди, от природы лишенные чувства страха. Смело они играют всегда, без исключений. Могу назвать Владимира Степанова, Николая Дементьева, Игоря Нетто, Анатолия Масленкина. (Привожу примеры из «Спартака», потому что лучше знаю одноклубников, но, разумеется, храбрецов достаточно и в других командах.) Масленкин, так тот и за пределами поля ничего не боялся. Уж как туго ему, центральному защитнику, приходилось против молодого Стрельцова, случалось, тот его и обходил, и обыгрывал, но Анатолий перед следующим матчем с «Торпедо» нисколько не тушевался: «Стрельцов? Ну и что? Поговорим с ним...»

Из следующего поколения спартаковцев храбрецами как на подбор были полузащитники команды — чемпиона страны 1969 года: Николай Киселев, Василий Калинов, Виктор Папаев. В сегодняшнем «Спартаке» к этому разряду я отношу Геннадия Морозова и Евгения Кузнецова.

Хочу сделать оговорку: сознательно не зачисляю в храбрецов тех, кто играл грубо, это нечто иное, из другой оперы.

Следующая категория — те, кто не боится вмешаться в заведомо опасную ситуацию, делает это часто, но не всегда.

Третьи — предпочитающие благоразумный риск, они рискуют иногда.

И наконец, игроки, заставляющие себя рисковать «через не могу», причем в крайних случаях.

Как видите, все проявляют смелость, без этого на поле делать нечего, но в разной мере и по разным побудительным причинам. Давно замечено, что тот, кто больше опасается, чаще страдает. Ну а храбрецы, так те цены не имеют, именно они более чем другие способны повести команду за собой.

Предположим, известно, что у противника грозные, опасно играющие защитники. Если у нас не окажется храбрецов, которые как ни в чем не бывало вступят в борьбу с этими защитниками, то дело плохо, инициатива будет потеряна. Если же они есть, покажут пример остальным, то и вся команда втянется в игру.

Может быть, с трибун все такие оттенки поведения игроков на поле и незаметны, но с тренерской скамьи мы их различаем.

В этой связи уместно будет сказать о спартаковском духе. Пожалуй, лет пятнадцать назад я этой темы не стал бы и касаться: с какой стати толковать о том, что и без пояснений видно. Да, спартаковский дух никакая не мистика. Он проявлялся особенно выпукло в том, что мы, как правило, выигрывали узловые, решающие матчи в чемпионате, и в розыгрыше Кубка, и международные. А обеспечивалось это, как я считаю, разумным подбором игроков, наделенных ярко выраженной волей. Помню, приехал к нам с предложением своих услуг Василий Соколов, молодой и безвестный. Побеседовали мы с ним, а когда он вышел, брат мой, Андрей Петрович, говорит: «Нечего сомневаться, возьмем, ты разве не заметил, какие у него глаза: стальные, как у хищной птицы...» Взяли и не раскаялись: выдающимся, несгибаемым защитником, сначала крайним, а потом центральным, стал Василий Николаевич. И тренером позже был — в 1952 и 1953 годах «Спартак» под его началом чемпионом становился.

Или другой случай. Заявился незваным из Днепропетровска никому не ведомый вратарь Алексей Леонтьев. Дело было зимой. И вот в маленьком манеже на улице Воровского устроили ему проверку. Встал парень в ворота, а бить ему взялись те, у кого «тяжелые» удары,— В. Степанов, В. Семенов, Ан. Старостин. И они разошлись друг перед другом. Я сидел, смотрел и начал даже жалеть бедного пришельца. А он, в то время тощенький, кидается и ныряет в углы ворот, да так отчаянно, так бесстрашно и зло, словно сошлись они не на живот, а на смерть. В тот же день было решено — берем. Пришелся ко двору Леонтьев, стал спартаковцем.

Мало-помалу так и сложилась легенда о спартаковском духе. А мы ее, со своей стороны, подогревали: до 1972 года одиннадцать раз выходили в финал Кубка, девять раз побеждали, причем обыгрывали московское «Динамо», «Торпедо», тбилисское «Динамо», которые в тех сезонах были посильнее «Спартака».

Особо мне памятен матч в Киеве глубокой осенью 1969 года. В нем фактически решалось, кому быть чемпионом, «Спартаку» или киевскому «Динамо». Стотысячный стадион, который, естественно, горой стоял за свою команду, настолько громогласно, страстно болел, что слабонервная приезжая команда легко могла сникнуть. «Спартак» не оробел, наоборот, я видел у наших игроков какую-то азартную раскованность, даже озорливость: шутка сказать, против них играл чемпион трех последних лет, который, если бы выиграл, обходил нас на очко и, вполне вероятно, стал бы чемпионом четвертый раз подряд. Да еще и погода хуже не придумаешь — холод, снежная метель. В тот вечер все спартаковцы держались храбрецами. Николай Осянин искуснейшим образом забил гол, счет 1:0 «Спартак» отстоял и стал чемпионом.

Тот матч — из числа знаменитых матчей «Спартака», в нем в полной мере проявился спартаковский дух, старая легенда получила новое подтверждение.

Но после этого она начала постепенно бледнеть, выцветать. В последний раз мы выиграли Кубок СССР в 1971 году. Затем дважды были в финалах — в 1972 и 1981 годах, но оба раза уступили, а двенадцать финалов и вовсе прошли без нас. Стали удовлетворяться призовыми местами, а до первого не дотягивали, проигрывали в тот момент, когда победа была нужна позарез, не по-спартаковски проигрывали. Как, например, в октябре прошлого года в Лужниках киевскому «Динамо», после чего опять остались с серебряными медалями. И в розыгрыше европейских кубков, хотя за «Спартаком» и числятся яркие удачи — с «Астон Виллой», «Арсеналом», «Брюгге»,— все же наш путь часто обрывался преждевременно из-за недостаточных, как я считаю, волевых усилий.

Имеет хождение еще одна легенда. То и дело слышишь, что дождливая погода — спартаковская погода. Это не пустая выдумка, а результат многолетних

наблюдений. В чем тут дело? Верно подмечено, что «Спартак» в прежние времена разыгрывался и особенно уверенно набирал очки осенью. Весной мы обычно видим футбол чувств, настроений, энергии. К осени эмоции глохнут и на первый план выходят игровой класс, техника, в чем «Спартак» себя и проявлял, несмотря на непогоду. Другим она мешала, а нас не стесняла.

И эта легенда нынче требует поправки. Я бы сказал, что для нынешнего поколения спартаковцев благоприятнее, желаннее сухое, ровное, хорошее поле, отвечающее его легкому, комбинационно-техническому игровому стилю.

Нет, я не собираюсь перечеркивать старые легенды, сложившиеся на протяжении полустолетия. Они лестны для нашей команды, да и в какой-то мере я сам, как игрок и как руководитель, что-то сделал для того, чтобы эти легенды могли возникнуть. Они мне понятны и близки, я дорожу ими. И потому считаю себя вправе, да и обязанным, откровенно выразить беспокойство по поводу некоторых потерь в этих славных традициях команды.

Возможно, кому-то покажется, что я слишком привередлив, как-никак «Спартак» и сегодня на виду, у нас — из лучших, одержал за последние сезоны немало эффектных побед, много забивает мячей, способен показать красивую игру. Но что поделаешь, я смолоду, начиная с «Красной Пресни» и потом, в «Спартаке», получил такое спортивное воспитание, что ни частичные, ни временные успехи, ни полууспехи удовлетворить меня не могут. «Спартак» открыл свою историю еще в тридцатые годы как команда, обязанная постоянно держать на мушке звание чемпиона и Кубок, таким я продолжаю его видеть и сегодня. Я вообще считаю, что занижение требований неминуемо влечет за собой сдачу позиций, внутреннюю демобилизацию, и тогда сам не заметишь, как окажешься в хвосте. «Спартак» однажды, в 1976 году, сполз со своих высот (послевоенные чемпионаты я в расчет не беру, тогда команда переживала уважительные трудности), и этот горький опыт нам забывать грешно. Восстановившись, восстав из пепла, гарантию на будущее мы обязаны искать в самых высоких требованиях к самим себе. Этим и объясняется моя привередливость.

Каждый очередной сезон приносит что-то новое. Минувший не исключение.

Полные Лужники собирали матчи сборной с датчанами и ирландцами. Болельщикам хотелось своим присутствием поддержать наших футболистов, которым, как повелевала турнирная конъюнктура, необходимы были победы. Когда, наконец, определилось, что сборная СССР вошла в число 24 финалистов чемпионата мира, все облегченно вздохнули: было бы неизвинительно оказаться за бортом. Хорошо то, что хорошо кончается, хотя сомнения помучили нас изрядно, особенно после печально памятного поражения в Копенгагене 2:4.

Впрочем, оснований для бурных празднеств я не вижу. Полагается хранить свое достоинство, наша сборная заняла свое по рангу место, только и всего. Напомню, что мы воспринимали как должное выход нашей команды в финальную часть четырех подряд чемпионатов мира начиная со шведского в 1958 году. Потом были две осечки: чемпионаты в ФРГ и Аргентине прошли без нас. Прямо скажем, не лучшие годы для нашего футбола, от них осталось ощущение пустоты, провала. Теперь мы вернули себе представительство в числе лучших, играли в Испании, поедем в Мексику. Иначе и быть не должно.

Не помню, чтобы мы, спартаковцы, когда-либо торжествовали, выиграв полуфинал Кубка СССР, а случалось это не раз. Немедленно накатывались размышления об ожидающем нас финале. Да и вообще так уж устроена футбольная жизнь, что не успеет закончиться один матч, как начинаешь думать о следующем.

Наверное, поэтому, отдавая должное четырем победам сборной в Лужниках в прошлом сезоне, которые решили в ее пользу отборочный турнир, не могу не думать о том, как она будет выглядеть на стадионах Мексики.

Мне импонирует интеллигентная, умная, корректная, сопряженная с оправданным риском подключений в атаку игра свободного защитника Александра Чивадзе. Он придает красивую окраску действиям команды. Украшают игру сборной скоростные рейды во левых Анатолия Демьяненко и Сергея Гоцманова. Обращает на себя внимание постоянство метких ударов по голу самого молодого игрока сборной Олега Протасова — ему 21 год. Трибуны уже следят за ним, ждут его рывков, а это многое значит. И обязывает: форварда, удачно начинающего, защитники принимаются изучать, и только стремление к разнообразию, к повышению класса сохраняет ему возможность оставаться результативным. Федор Черенков способен украсить общий стиль сборной своей высокой техникой и неожиданными для противника тактическими ходами.

В целом же я не хотел бы торопиться с оценкой игры сборной. Команда должна содержать в себе зерно будущего, тогда она перспективна и способна прогрессировать.

Интересен чемпион страны 1985 года — киевское «Динамо». Успех на обоих фронтах — и Кубок СССР у него, а это большое дело! Команда удачно переформировалась, омолодилась, не побоявшись ради этого в 1984 году отступить в середину таблицы. Это не так просто, мы видим, что омоложение долго не удается тбилисскому «Динамо», да и попытки «Спартака» в этом направлении ни к чему не привели.

Но не сами по себе результаты киевского «Динамо» производят впечатление. Еще в памяти, как эта команда, становясь чемпионом, не пользовалась успехом у зрителей, не получала признания в прессе, да и многие специалисты относились к ней скептически, не разделяя тактических и стратегических воззрений тренера Валерия Лобановского.

В прошлом году игровой стиль команды был перестроен заодно с составом. На смену сухому, сугубо рациональному, оборонительному стилю явился замешанный на игровых импровизациях, раскрепощенный, атакующий, «цветной». Незаурядные достоинства В. Лобановского, умеющего ставить перед собой цель и идти к ней, не сворачивая, без колебаний, получили новое выражение. Дриблинг Заварова, выходы вперед Демьяненко и Яремчука, маневрирование Блохина и Евтушенко, угрозы Раца, держащего ворота под страхом своего удара с левой ноги,— все это происходит смело, уверенно, свободно.

Не имею права настаивать, но предполагаю, что стилевые перемены произведены не без влияния общественного мнения, с учетом настроения зрителей.

У нас на протяжении ряда лет раздавались сетования, что не видно на горизонте новых умелых тренеров после того, как ушло старое поколение. Думаю, что настала пора признать некоторых из молодых.

Я имею в виду, например, Виктора Прокопенко, тренера «Черноморца», которого, словно было это вчера, помню игроком той же команды. Еще в чемпионате 1984 года, когда «Черноморец» дважды обыграл «Спартака», я почувствовал, что за этим кроются и замысел, и подготовка. Четвертое место, занятое тогда «Черноморцем» в чемпионате, это подтвердило. Уход Беланова и затянувшееся обыгрывание молодого вратаря Гришко сделали положение команды в 1985 году трудным, но она лица не потеряла и показала себя вполне боеспособной в матчах розыгрыша Кубка УЕФА против первоклассных клубов «Вердера» из ФРГ и мадридского «Реала». Несомненно, что Виктор Прокопенко уже проявил и самообладание, и находчивость, и, надеюсь, трудности его закалят как тренера.

Ровно, спокойно ведет минское «Динамо» Вениамин Арзамасцев. Команда — среди лидеров, делегирует немало игроков в сборную. Можно было предположить, что тренер «Зенита», чемпиона 1984 года, Павел Садырин испытает растерянность, когда в следующем сезоне команда «поплыла». Но нет, она постепенно стала выправляться, а для того, чтобы это стало возможным, от тренера требуются присутствие духа и практические навыки.

Самокритике я, кажется, уделил немало места. Повторю еще раз, что «Спартак», пережив несколько лет назад подъем, дальше не пошел, начал повторяться. Нашу игру изучили, план противодействия тренерам других команд стал даваться без особого труда. Иногда спартаковцы избегали опеки и побеждали с крупным счетом, в других же случаях наша атака не получала развития, отсюда и большое количество ничьих. Не разработана у нас реализация стандартных положений, в этом мы отстаем от современных требований. С огорчением вижу, что средний возраст игроков «Спартака» велик, завидую, скажем, «Днепру», команде молодой, видимо, еще не достигшей всего, на что она способна. Что ж, девять сезонов мы прожили с нашими теперешними игроками, пришло время снова испытывать молодых и новых, искать усиления командной игры. Ситуация в общем-то известная, периодически повторяющаяся в футбольной жизни, жаль только, что мы запаздываем с ее решением.

Жизнь футбола безостановочна, продолжается и наша работа. В начале разговора я упомянул, что мне чужд нигилизм, что я с юных лет и до сего дня живу с верой в наш футбол. И все мои критические отзывы, сомнения, рассуждения о том, как следовало бы добиться порядка и очистить моральную атмосферу, продиктованы прежде всего ощущением, что нашему футболу многое по плечу. Надеюсь, читатель это почувствовал.

* * *

Пока шла работа над этими заметками, открылся и энергично двинулся вперед футбольный сезон 1986 года. Думаю, в заключение будет уместно отозваться о некоторых его событиях.

Опираясь на свой успех в чемпионате и розыгрыше Кубка СССР в прошлом году, киевское «Динамо» этой весной в красивом активном стиле убедительно переиграло венский «Рапид» и пражскую «Дуклу», завоевав право выступить в финальном матче 2 мая за Кубок кубков против мадридского «Атлетико». Этого можно было ожидать, киевские динамовцы, несомненно, на подъеме: разыгралась молодежь, составившая с испытанными игроками единое целое. Нельзя не отметить, что динамовцы и на чужих полях вели атакующую игру.

Незаурядную силу воли проявили московское «Торпедо» и «Шахтер», пробившись в финал Кубка СССР. Обе эти команды в последние годы выступали в чемпионатах не слишком выразительно, и, надо надеяться, участие в острой борьбе за наш самый старый и почетный приз их воодушевит, пойдет им на пользу.

Наш «Спартак» вновь выбыл из борьбы за Кубок, да и в чемпионате его положение пока не определилось. Есть поговорка: «За новичка — отдай два очка». У нас новичков в команде восемь. Игра команды перестраивается, а для этого всегда требуется время. Но мы на это шли сознательно, о чем я дал понять в последнем разделе заметок.

Не могу не привлечь внимания читателей и к такому факту. Недавно Федерация футбола СССР создала экспертную комиссию, обязанную, как сказано в объяснении, «готовить заключение о матчах, которые проводились без должной спортивной борьбы, с пренебрежением к зрителям». Создание комиссии можно только приветствовать и пожелать ей успеха в отстаивании высоких нравственных основ советского футбола.

И, разумеется, сейчас, когда до начала XIII чемпионата мира в Мексике осталось менее месяца, наше общее внимание привлечено к сборной команде страны. В этом году она проиграла четыре контрольные встречи, забив всего один гол, что вызвало немалое беспокойство. Не хочу брать на себя роль утешителя, но по опыту знаю, что достаточно умелым и бывалым мастерам — а именно такие состоят в сборной — может вполне хватить оставшегося срока, чтобы оказаться сыгранным и боевым коллективом к нужному дню. Ведь за одну честь представлять советский футбол на чемпионате мира, я надеюсь, каждый из наших игроков сделает все, на что он способен, и даже больше того, на что он способен в обычных условиях.

НЕ БУДЕМ МЕЛОЧНЫ, НО...

Мы отказываемся от расточительства в большой экономике, но не присмотреться ли к малой, к мелочам? Что бы вы сказали, если бы к каждому бритвенному лезвию вас заставляли приобретать и станочек. Побрился, и все выкидывай. Примерно так вынуждают поступать предприятия, выпускающие точилки для карандашей. Я уж не говорю о том, что это плохие точилки. Они еще и разорительны. Казалось бы, сконструировав съемный, крепящийся на болтике ножичек, исходили из того, что его, как только затупится, можно заменить на новый. Но нет в канцелярских магазинах сменных лезвий для точилок. Затупилось лезвие — выбрасывайте всё.

И летит в мусоропровод совсем новенькая точилка с эмблемой ЛОМО — это прославленное объединение тоже выпускает точилки со сменным ножом, который нечем заменить.

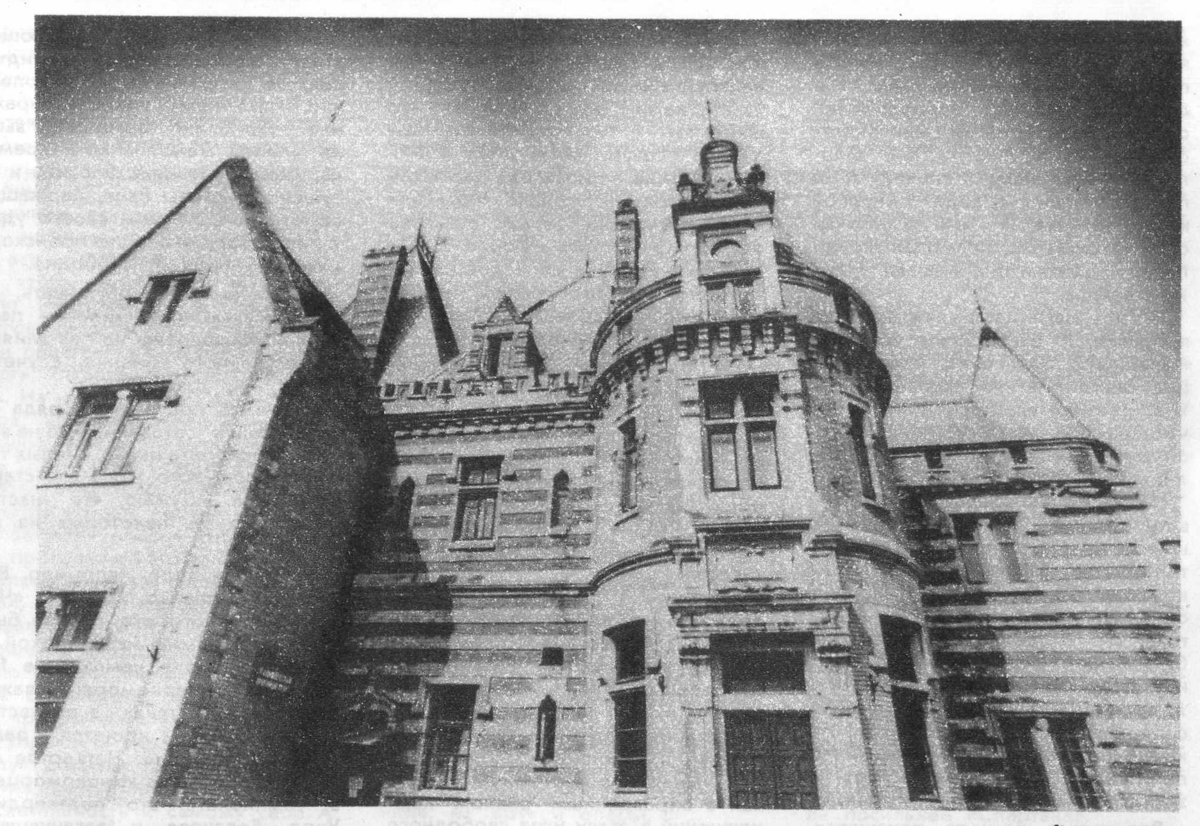
Эксперимент «точильщиков» развили бумажники из объединения «Восход», где делают ладные и нужные блокноты со съемными вкладышами. К каждой добротной, рассчитанной на долгую службу обложке придается всего три блока. И как только вы их исписали, все выбрасывайте. Нет в продаже запасных блоков. Невыгодно их делать? Ведь за каждый блок больше двугривенного не возьмешь, а тетрадь «в сборе» стоит два двадцать. Новочеркасский завод синтетических продуктов начал производство клея, упакованного в пенал. Повернул шайбочку, клеящий столбик выполз на миллиметр-полтора. Удобно. Но сам пенал так несовершенен и так неряшливо изготовлен, что несколько граммов клея использовать невозможно. Но все эти «мелочи» и впрямь мелочи рядом с той, о которой хочу сказать особо. У стиральной машины «Вятка» есть дверца, а к ней — небольшой пластмассовый замочек. Так вот, этот тридцатикопеечной стоимости замок имеет обыкновение очень быстро портиться. И тогда нельзя пользоваться четырехсотрублевой машиной. Казалось бы, выход ясен: или делай замки достаточно прочными, или выпускай их с таким расчетом, чтобы при надобности можно было купить или заказать. Но замок — дефицит. И копеечная деталька влетает в такую «копеечку», что и говорить стыдно. Вот вам и «мелочь».

У каждого своя экономика? И посвоему понимаемая экономия? Странно...

Р. ГАЛИНА

бережливость: разные аспекты

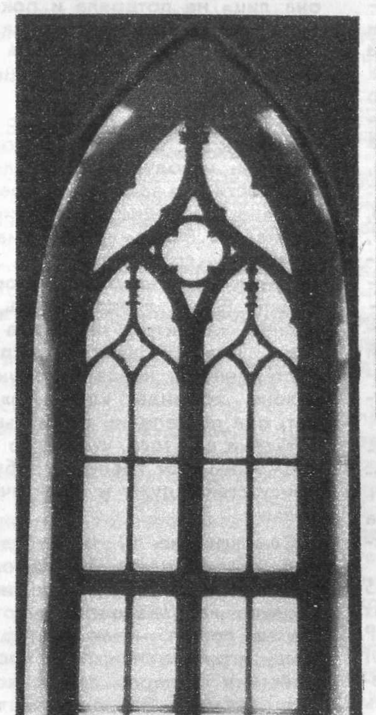

Барвихинский замок.

Фото автора

Окно с решеткой.

это интересно

ЗАМОК В ПОДМОСКОВЬЕ

Деревянная резьба на камине.

Любопытно видеть в нашем ближнем Подмосковье этот строгий замок с остроконечными башнями, коваными решетками и флажками на шпилях. Над массивной входной дверью в камне фасада глубоко и изящно вырезаны цифры «1885» — год окончания строительства. Барвихинскому замку исполнилось сто лет. Ныне здесь клуб совхоза «Барвиха». А что говорит история?..

В справочных изданиях по Подмосковью здание значится как «замок баронессы Мейендорф». В материалах Центрального государственного исторического архива Москвы хранятся «Окладные книги сборов с землевладельцев Звенигородского уезда». В конце прошлого века «женой полковника при селе Рождествене, Подушкино тож, при селе Одинцове и деревне Акишево, при селе Богородском, Мильтихино и Лайково тож» значится Надежда Александровна Веригина. Выдавая замуж единственную дочь, ее отец отставной генерал А. Б. Казаков, купивший Подушкино

бывает и такое

ТОПОР

Лаборантка Чижикова, одинокая девушка со стажем, выписала со склада вместе с другими канцелярскими принадлежностями топор. Начальник не глядя подписал требование. Подписали его и в АХО. И только завскладом старик Чуркин возмущенно затряс бумагой.

— Что это такое? — кричал он.— Что это за топор? Где тут у меня топоры валяются? Да и зачем он ей? Может, она зарубить кого хочет?..

Начальник прочитал вернувшееся обратно требование и схватился за голову.

— Чижикова, — простонал он.— Что это за комедия, зачем вам топор? Карандаши точить, что ли?

— Нужен, — ответила Чижикова, поджав губы.— И не кричите.

— Я вас уволю,— пообещал начальник.

Жалоба Чуркина получила ход, и Чижикову вызвал к себе замдиректора по хозяйственной части.

— Послушайте, — напрямую спросил он.— Вы в своем уме или нет? И в том, и в другом случае вы топор все равно не получите.

Чижикова загадочно усмехнулась. Замдиректору стало немного не по себе. На всякий случай он отодвинул пепельницу.

— Может, вас кто обидел? — уже мягче спросил он.

— Как вам сказать,— ответила Чижикова. — Вот я сейчас стою перед вами, а приди я, к примеру, с топором, вы бы сами вскочили, а меня бы непременно в кресло усадили.

— Садитесь,— опешил замдиректора.— Нет, идите.

Весть о топоре разлетелась по учреждению с быстротой молнии. Сначала все долго смеялись. Потом призадумались.

Первым опомнился технолог Ахапкин.

— Чижикова,— сказал он, заглядывая в комнату.— Я у тебя в прошлом году десять руб-

в 1861 году, выстроил в качестве приданого дочери замок в модном стиле «модерн». Однако Надежда Веригина вскоре потеряла отца и мужа. Богатая молодая вдова имеет много поклонников. Но вот является отставной офицер барон Богдан Егорович Мейендорф. Он беден, но имеет баронский титул, о коем мечтает владелица замка. Интересы совпали — в 1904 году Веригина стала баронессой Мейендорф.

Она начала с перестройки замка по воле нового супруга. С 1904 по 1909 год за нею числится кирпичный завод в Одинцове, в четырех верстах от замка. Строятся стена вокруг здания, службы, ров, подземный ход. Замок приобретает несколько иной силуэт. Сохраняется лишь дата первого строительства — 1885 год. Местный садовник Холмогоров высаживает диковинные деревья, дошедшие до нас: гибрид черемухи и березы, амурский бархат, дубы пирамидальные и разрезнолистные, дерево гингко. Речка Самынка под холмом искусно перегораживается плотинами, и появляются два больших пруда — верхний и нижний. Над верхним прудом повисает трехарочный розовый мост. К замку от станции Одинцово ведет теперь лиственничная аллея. В самом замке появляется библиотека: отец владельца — известный путешественник, писатель, друг декабриста П. И. Пестеля Егор Казимирович Мейендорф. Потолок каминного зала украсил гобелен в 40 квадратных метров величиной, изображающий всемирный потоп.

В 1914 году Мейендорфы уехали за границу на лечение и в Барвиху не вернулись. После революции замок был национализирован. Здесь размещалась в двадцатые годы трудовая колония детей красноармейцев, погибших в гражданскую войну, в период Великой Отечественной войны — госпиталь. Вокруг гобелена в каминном зале — двадцать вензелей из пересекающихся букв Н и Х. Может быть, имя владельца — Надежда? Вновь обращаюсь к архивам.

Надпись в углу гобелена почему-то все старались расшифровать как сочетание римских цифр. А если просто прочесть? Получится «дилювиум» — потоп, наводнение, то есть как раз то, что изображает гобелен. С вензелем, повторенным на решетках окон, лестниц, камина, оказалось все любопытнее. По всем законам выписываются вензеля латинскими буквами. Значит, аш и икс. Но кто же такие русские бароны Мейендорфы?

Впервые эту фамилию принял Яков Икскуль, генерал-лейтенант, в 1679 году. Род Икскулей ведет свое начало от времен Римской империи. Однако Яков Икскуль в погоне за «древностью рода» этим не удовлетворился и назвался бароном Мейендорфом по имени древней европейской культуры охотников за оленями, насчитывающей одиннадцать с половиной тысячелетий. Барвихинский Мейендорф создает в Подмосковье копию древнего замка Икскуль, руины которого и ныне существуют на правом берегу Даугавы (Западной Двины) в 25 километрах от Риги. А буквы вензеля означают «дом Икскулей», ведь на латыни «heredium» — дом, наследственное имение. Так вблизи современного подмосковного города Одинцово появился замок, связанный с далекой историей...

Георгий БУРМИН

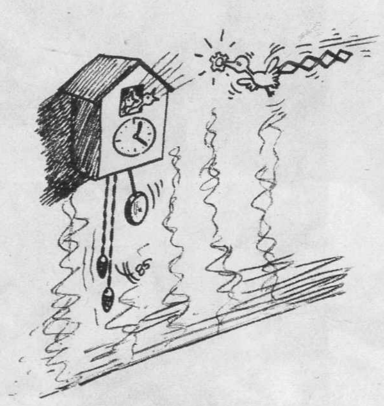
Юмор

«Сообщающаяся посуда».
Рис. В. Воеводина

Без слов.
Рис. С. Коняхина

Без слов.
Рис. Н. Чернышова

лей занимал — возвращаю с шоколадкой. Извини...

За Ахапкиным появился профорг отдела.

— Н-да...— смущенно сказал он. — Ты у нас, Чижикова, сколько лет работаешь? Пора бы тебе и на юг по путевке съездить. Пиши заявление, поддержим...

— Вот что, Чижикова,— заявил начальник.— Да вы присаживайтесь. Руководство решило вас премировать за хорошую службу.

Весь день поток сослуживцев к Чижиковой не ослабевал.

— Слушай, как это тебе удалось? — восхищенно спросила подруга из соседнего отдела в конце рабочего дня.

— Понимаешь,—ответила Чижикова.— Топор, особенно если он канцелярский, лучшее средство самозащиты. Человека с топором уважают...

А. ПРОШКИН

КОМУ ЧТО

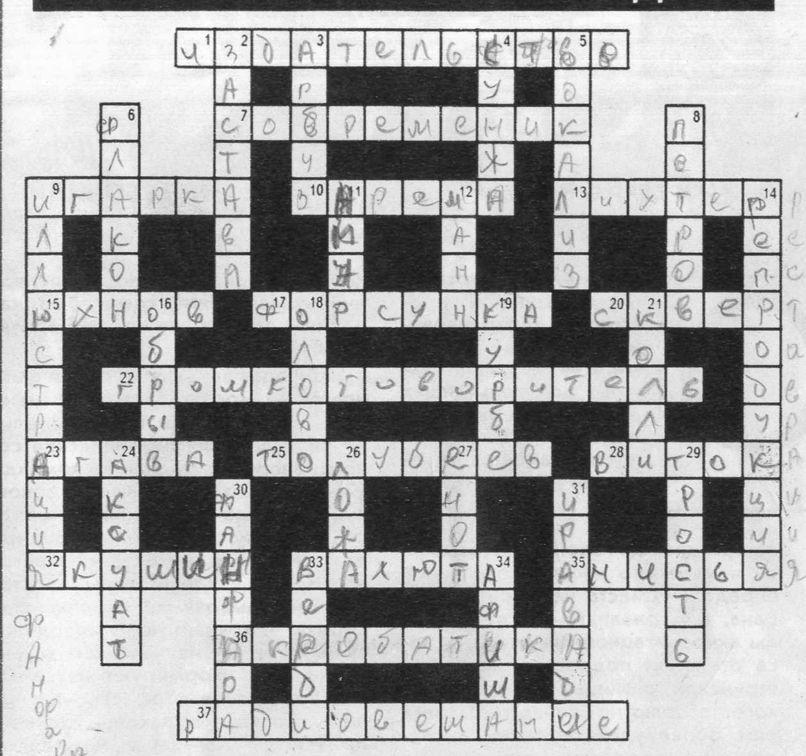
М. РАСКАТОВ

Престиж не стоит добывать,
Хотя иметь не худо,
Себя не стоит подавать,
Как фирменное блюдо.

Гораздо лучше, не трубя,
Без способа такого,
Подать работу — не себя —
Достойно и толково.

А кто не может ничего —
Не сеет и не косит,—
Тот без смущенья самого
Себя нам преподносит...

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Предприятие, выпускающее произведения печати. 7. Приложение к «Комсомольской правде». 9. Порт в Красноярском крае. 10. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 13. Несамоходное грузовое морское судно. 15. Город в Калужской области. 17. Устройство для распыления горючей жидкости. 20. Городской общественный сад. 22. Динамик. 23. Декоративное волокнистое тропическое растение. 25. Ленинградский драматический актер, Герой Социалистического Труда. 28. Оборот искусственного спутника по орбите. 32. Спортсмен, неоднократный чемпион СССР по футболу, хоккею. 33. Денежная единица страны. 35. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 36. Жанр циркового искусства. 37. Одно из основных средств массовой информации и пропаганды.

По вертикали: 2. Пограничное воинское подразделение. 3. Бахчевая культура. 4. Приток Терека. 5. Упражнение для голоса в пении. 6. Пузырек для духов. 8. Писатель, классик советской сатиры. 9. Изображение, сопровождающее текст произведения. 11. Малая планета. 12. Немецкий писатель-антифашист. 14. Воспроизведение картины, рисунка. 16. Роман И. А. Гончарова. 18. Металл, химический элемент. 19. Французский живописец, участник Парижской коммуны. 21. Порода служебных собак. 24. Озеро в Казахстане. 26. Место в зрительном зале. 27. Рассказ М. Горького из цикла «По Руси». 29. Древко смычка. 30. Духовой сигнальный инструмент. 31. Река в Бирме. 33. Итальянский композитор. 34. Объявление о спектакле, лекции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 3. Первомайск. 5. «Бруски». 7. Иволга. 8. «Сильва». 10. Лирика. 11. Лист. 13. «Киев». 15. Макарова. 19. Диктор. 20. Море. 21. Ефанов. 22. Мечников. 25. Цинк. 27. Парк. 28. Массне. 29. Яранга. 30. Ниобий. 31. Китель. 34. Аттракцион.

По вертикали: 1. Хвар. 2. Танк. 3. Перлит. 4. Кеклик. 5. Балка. 6. Исаев. 7. Иллюминация. 9. Айвазовский. 12. Сартлан. 14. «Иоланта». 15. Муром. 16. Кумач. 17. Очерк. 18. Асеев. 23. «Ермак». 24. Олень. 26. Кунджа. 27. Протон. 32. Иори. 33. Лицо.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Знамя Победы водружено над поверженным Берлином. 2 Мая 1945 года.
Фото А. МОРОЗОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Салют Победы.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 14.04.86. Подписано к печати 05.05.86. А 00675. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 848. Заказ № 2682.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Чемпионат мира и Европы

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Отличительная черта таких больших и престижных соревнований, как чемпионаты мира,— их тщательная, до мельчайших деталей продуманная подготовка. Она начинается задолго до того, как прозвучит первый судейский свисток. Вот и в Москве за три дня до окончания борьбы на чемпионате мира-86 было уже определено место чемпионата-87— Вена, а журналистам даже вручены аккредитационные листы, адреса отелей и подробная карта австрийской столицы. На фоне такого абсолютно точного расчета еще более удивительными выглядят неожиданности, которые не могут предусмотреть самые испытанные хоккейные знатоки. Если на старте чемпионата подобными неожиданностями стали две неудачи чемпиона мира — команды Чехословакии, то на его финише — ничья шведов и финнов.

Их встреча, как и обычно между этими командами, протекала очень напряженно и на сей раз, казалось, должна была закончиться победой финнов, которые за 40 секунд до финальной сирены вели со счетом 4 : 2. Но шведы заменили вратаря шестым полевым игроком и отквитали одну шайбу, а затем под самый занавес забили и еще одну — четвертую. Чем не сенсация? Кстати, и первая встреча этих двух команд в предварительном турнире закончилась с таким же счетом, и вообще четвертая шайба оказалась роковой почти в половине сыгранных матчей. Даже первый финальный матч нашей команды с канадцами, состоявшийся после головокружительного спора шведов и финнов, не обошелся без этой загадочной цифры: советские хоккеисты выигрывали у канадцев со счетом 7 : 3, но за три минуты до конца игры канадцы забили свою четвертую шайбу. И если в этом случае она уже ничего не могла решить, то в предпоследнем матче мирового чемпионата, в котором определялась судьба бронзовых медалей, четвертая шайба, забитая незадолго до конца игры, вывела канадцев на третье призовое место. После ничьей со шведами финским хоккеистам в игре с канадцами достаточно было сыграть вничью, чтобы после одиннадцатилетнего перерыва занять место на пьедестале почета. Но в последний момент при счете 3 : 3 канадцы забили свою победную шайбу.

Наблюдая за выступлением финнов, я не мог отделаться от мысли, что они играли бы значительно сильнее, если бы канадские селекционеры не лишали бы команду Суоми самых способных игроков. Да, это беда и финских, и шведских хоккеистов, и самое обидное для мирового хоккея заключается в том, что, с удивительным постоянством, вывозя из Европы способную хоккейную молодежь, свою команду на чемпионаты мира канадцы формируют из самых слабых игроков профессиональной лиги. Когда же наконец хоккейные боссы Канады возьмутся за ум? Ведь это же факт, что тренер канадской сборной познакомился со своими игроками лишь перед отлетом в Москву, в аэропорту. И вот уже двадцать пять лет канадцам не удается выиграть первенство мира, и в Москве они победили всего четыре раза, а в шести встречах оказались побежденными.

Если игра финских хоккеистов, несмотря на все неудачи, вселяет сочувствие и уважение, то успех шведской сборной на московском чемпионате заслуживает самой высокой оценки. Молодой тренер отказался от приглашения в сборную «заморских» шведов и привез отличную команду, завоевавшую право на спор с девятнадцатикратными чемпионами мира — хоккеистами СССР. Их встреча в финале чемпионата должна была решить, кто поднимется на высшую ступень пьедестала почета, и этот матч, не отличавшийся яркими красками (первый период закончился 0 : 0, второй — 2 : 2, и лишь в третьем периоде советским хоккеистам удалось забить решающую шайбу), был проникнут высочайшим накалом борьбы.

Советские хоккеисты отлично играли на протяжении всего турнира, не уступив ни одного очка, а подлинными героями стали хоккеисты первой пятерки: они на высоком уровне провели решающие встречи. В двадцатую победу на чемпионатах мира свой вклад внесли и молодой вратарь Е. Белошейкин, и хоккеисты четвертой молодежной тройки. Это говорит о том, что наш хоккей не остановился на достигнутом и продолжает свой успешный путь к новым победам.

1.

2.

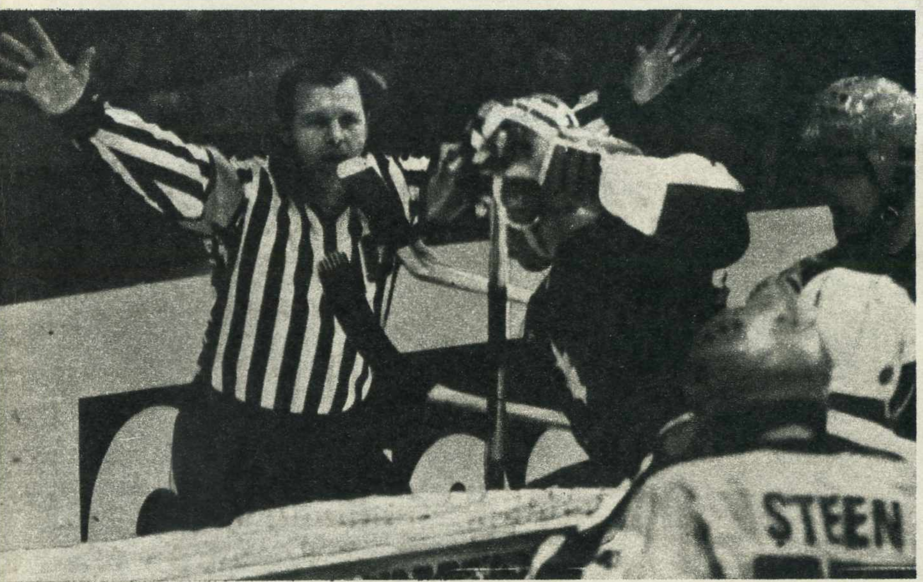

1. Двадцатикратные.
2. С. Яшин — автор первой шайбы в ворота шведской сборной.
3. Советский арбитр Ю. Карандин.
4. Первая пятерка СССР: В. Крутов, И. Ларионов, В. Фетисов, С. Макаров, А. Касатонов.
5. В воротах — молодой вратарь Е. Белошейкин.
6. На трибуне.

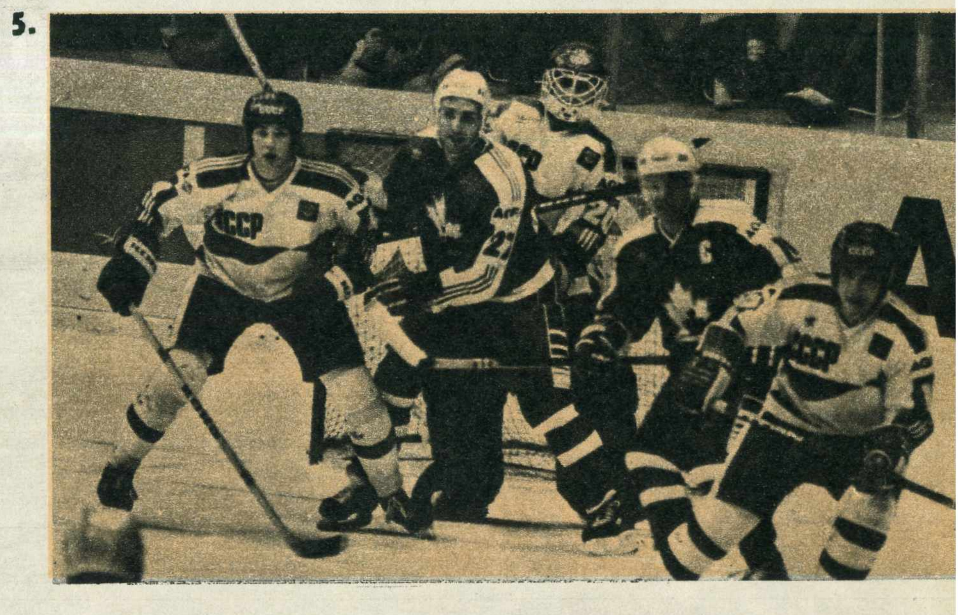
А ПЬЕДЕСТАЛ

ХОККЕИСТЫ СССР — 20-КРАТНЫЕ ЧЕМПИОНЫ МИРА

3.

5.

4.

6.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663